

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 329+ 342.8 (571.13)

В. С. НОВИКОВОмский государственный
аграрный университет

ПОЛИТИЧЕСКИЙ КРИЗИС 1993 ГОДА В СИБИРИ: ОТ КОНСТИТУЦИОННОГО СОВЕЩАНИЯ К УКАЗУ «О ПОЭТАПНОЙ КОНСТИТУЦИОННОЙ РЕФОРМЕ»

В статье рассказывается о мерах, предпринятых президентом Б. Н. Ельциным и его сторонниками с целью заручиться поддержкой органов исполнительной власти региона в борьбе за ликвидацию советской политической системы.

После проведения референдума борьба между сторонниками ВС РСФСР и Президента России продолжилась в мае 1993 года. Месяц прошел под знаком обсуждения проекта Конституции, опубликованного главой исполнительной власти Б. Н. Ельциным. Будучи председателем Конституционной комиссии, Президент РФ, минуя ее, опубликовал текст будущего Основного закона страны, игнорируя какое-либо его обсуждение в комиссии. Без сомнения это предпринятая в нарушении действующего законодательства мера была сильной рокировкой. Б. Н. Ельцин через голову основной конституционной структуры апеллировал прямо к народу, давая информационный по-

вод для очередной волны обвинений в адрес депутатского корпуса.

Открывшееся 5 июня в Москве Конституционное совещание проводилось в период, когда противостояние различных властных структур находилось на самом высшем уровне и заставляло представителей обоих враждебных лагерей искать себе союзников в провинции. Однако ко времени проведения совещания наметился рост доверия населения, уставшего от катаклизмов российского масштаба, к местным органам власти. По мнению специалистов Сибирского кадрового центра, в случае конфликта местного руководства с центром, население большинством долж-

но было поддержать своего губернатора или председателя облсовета [1].

В сложившейся ситуации центр использовал все ту же тактику: обещание новых льгот и дарение новых прав. При этом сепаратизм регионов с одной стороны, получал поддержку сверху, а с другой стороны вышестоящими органами жестко критиковался. Это стало вполне логичным шагом в кампании по привлечению на сторону президентского проекта Конституции глав администраций и правительств регионов. При этих условиях задачей совещания явилось одобрение проекта и установление порядка его проведения в жизнь.

Главными участниками совещания стали представители политических партий. Из них 16 из демократического лагеря, 4 — центристских, 11 — оппозиционных. Профсоюзы на совещании были представлены 23 тяготеющими к «Гражданскому союзу» и 20 — стоящими на пропрезидентских позициях. Творческие союзы были в основном на стороне Б. Н. Ельцина.

Советские органы на местах с большим подозрением отнеслись к самой идее совещания, видя в ней попытку сторонников президента, обойти Съезд народных депутатов РСФСР, не распуская его. Глава Омской области Л. Полежаев занял выжидательную позицию [2].

В период Конституционного совещания члены совета МАСС предприняли попытку воплотить идею равенства субъектов федерации в конкретную законодательную инициативу. По словам председателя совета МАСС, «часа откровенного разговора хватило для выработки принципиального решения, согласно которому Тува, Бурятия, Горный Алтай, Хакасия, а также шесть национальных округов не будут возражать против требований краев и областей, входивших в «Сибирское соглашение», повысить свой статус до республиканского». Председатель МАСС В. Муха назвал его «моделью России в части федеративного устройства» [3].

Представители Верховных советов республик, областных и краевых советов потребовали предоставить в ходе совещания слово не только Президенту России, но и Председателю ВС РСФСР, а также всем авторам, желающим представить свои проекты Основного закона. По их мнению, должен быть представлен единственный согласованный проект Конституции страны, который в окончательном виде примут все субъекты федерации. Эту точку зрения «Сибирского соглашения», базирующуюся на решениях сессий областных и краевых советов в мае — июне 1993 года, озвучил на Конституционном совещании председатель Новосибирского областного совета А. Сычев [4].

Обращение лидеров МАСС президентом было проигнорировано. В результате лидеры советов решили собрать внеочередные сессии, на которых рекомендовалось поставить вопрос об отзыве представителей регионов с законодательного форума.

Между тем «Сибирская газета» вышла со статьей под названием «В перспективе Восточно-Сибирская республика?» В статье сообщалось, что Красноярский краевой совет, возможно, будет обсуждать предложение руководителей Иркутской области об объединении в административно-территориальную единицу в составе Российской Федерации. Необходимо отметить, что каких-либо комментариев на статью руководители Иркутской области не дали. Газета же утверждала, что создание подобных объединений является противовесом диктату центра [5].

26 июня на пленарном заседании Конституционного совещания председатель Красноярского краево-

го совета В. Новиков огласил текст заявления, принятого накануне представителями 42 субъектов. В заявлении выдвигались условия поддержки проекта Конституции, предложенного президентом:

- равенство республик, краев, областей;
- запрещение выхода из состава России;
- единые принципы представительства в Верховном Совете;
- формирование на местах органов законодательной, исполнительной и судебной властей [6].

Полной поддержки условия, представленные 42 субъектами, не получили. Они не устраивали национальные республики, теряющие права, а также Москву и Санкт-Петербург, теряющие статус субъектов.

Собравшись в городе Саяногорске 9 — 10 июля, совет МАСС выразил обеспокоенность «новым витком суверенизации, ведущим к нарушению целостности России». Ответственность за складывающуюся ситуацию совет возложил на все ветви власти. В заявлении совета указывалось, что все ветви власти нарушают Конституцию путем наделения отдельных субъектов отдельными полномочиями. 14 июля председатель совета МАСС В. Муха заявил о необходимости проведения переговоров МАСС с правительством России 1 сентября 1993 года [7].

Июль 1993 года стал своеобразным месяцем суверенитетов различных регионов Сибири. Представители политических партий на публикации текста президентской Конституции отреагировали соответственно уже ранее занятым позициям. Левый спектр политических сил президента не поддержал.

Впрочем, структуры центральной исполнительной власти в указанный период в большей мере интересовали не позиции политических партий, а поддержка или неподдержка Б. Н. Ельцина со стороны региональной элиты. В сентябре 1993 года С. Шахрай молниеносно посетил Новосибирск, Якутск, Читинскую область. В ходе визитов в предполагаемые центры сепаратизма в сентябре 1993 года С. Шахрай практически обнародовал условия соглашения центра с регионами:

- поддержка идеи создания Совета Федерации (не оговаривая функций органа, который мог стать как консультационным, так и реально влияющим на политическую жизнь страны);
- согласился с тем, что Совет Федерации станет механизмом диалога между субъектами федерации и центром. (Особое внимание было уделено МАСС и новосибирцам без которых, по словам С. Шахрая, диалог центра и регионов мог не состояться.);
- попросил отложить до лучших времен проблему равенства субъектов (это сохраняла асимметричность федерации);
- предложил создать ПРЕС;
- обещал не спешить с принятием Конституции [8].

Заседание Совета Федерации было назначено на 18 сентября. К этому времени Малый совет Омской области делегировал в Москву своего представителя с правом совещательного голоса [9].

Кризис, которого пытались избежать, стал явью 21 сентября 1993 года. В этот день президент подписал Указ 1400 «О поэтапной конституционной реформе», предусматривающий прекращение деятельности Съезда народных депутатов и Верховного Совета РСФСР, а также проведение 12 декабря 1993 года всенародного голосования по принятию Конституции и выборов депутатов нового двухпалатного российского парламента — Федерального собрания Российской Федерации. Верховный Совет ответил на Указ созывом Чрезвычайного X Съезда народных депутатов, при-

нятием решения об отрешении Б. Н. Ельцина от должности и назначением на эту должность А. Руцкого.

Региональные органы власти отреагировали на события в Москве следующим образом. В Омске Малый горсовет, собравшись на экстренное совещание, большинством голосов после длительных дебатов принял решение считать заявление президента неконституционным. В этот же день на площади перед Музыкальным театром прошел митинг, организованный ФОРП и поддержанный оппозицией. Мэр Омска Ю. Шойхет выступил с официальным заявлением, в котором говорилось о поддержке обращения Б. Ельцина к народу. Хроника событий 22 сентября 1993 года выглядела следующим образом:

— 2 часа ночи — совещание в мэрии у Ю. Шойхета. Присутствовали: заместители мэра и главы районных администраций г. Омска, представитель президента по Омской области. Не было ни представителей бизнеса, ни руководителей силовых структур.

— В 9.30 состоялась коллегия у главы администрации области Л. Полежаева. Присутствовали: заместители главы, представители некоторых комитетов, руководители силовых структур. Решался вопрос о содержании и форме заявления. Силовикам было приказано все решения согласовывать с главой администрации.

— В 11.00 ФНСовцы приняли решение провести в 17.00 митинг у здания областного совета.

— В 11.00 директор Общественно-политического центра (ОПЦ) А. Пахолак встретился с председателем ФОРП В. Николаевым. Выяснилось, что трудовые коллективы, за некоторым исключением, не одобряют позицию Б. Ельцина, но профсоюзы занимают индифферентную позицию.

— В 12.00 Ю. Шойхет встретился с директорским корпусом. Пришли к соглашению не допускать на заводы агитаторов от профсоюзов и политических партий.

— В 13.00 по омскому радио с заявлением выступил Л. Полежаев. Четкой позиции он не обозначил.

— В 16.00 председатель профсоюза «Единение» Н. Паутов провел собрание омских предпринимателей. Обсуждалась общая позиция перед совещанием в мэрии.

— В 17.00 состоялось пикетирование оппозицией к президенту здания облсовета. На нем присутствовали 150 — 200 человек.

— В 17.00 — 17.30 омские народные депутаты вылетели в Москву.

— В 18.00 в мэрии с поддержкой Б. Ельцина выступили В. Кожевников (Сибвест), Н. Паутов («Единение»). От «Белого движения» выступил Хрусталеv. На собрании присутствовали представители фирм «Мираф», «Акция», «Аверс» [10].

Пресс-служба областной администрации распространила официальное заявление, в котором говорилось о поддержке Б. Ельцина, выполнении на территории области указов Президента России и распоряжений правительства [11]. Омичей призывали к спокойствию и нормальному труду. Особо отмечалось, что неплохо было бы всем, несмотря на политические катаклизмы в Москве достаточно подробно освещаемые омскими изданиями, не снижать темпов уборочной кампании. Областной штаб по защите Конституции 15 сентября в 11 часов провел митинг у Музыкального театра. Губернатор Л. Полежаев в дни кризиса отправил президенту помощь — отряд ОМОНа, с которым вылетел сам. Позднее, 10 октября, он заявил, что «Указ Президента от 21 сентября запоздал почти на полгода» [12].

Подводя итоги на 24 сентября 1993 года «Центр аналитической информации по политической конъюнктуре России» в экспресс-анализе № 03 на 14.30 указывал, что «практический результат акций президента непосредственно в самой Российской Федерации — в основном поддержка главы исполнительной власти лишь со стороны федеральных верхов, в то время как большинство субъектов федерации в лице местных советов и нескольких глав администрации твердо отказались поддержать ввод прямого президентского правления и его проект поэтапной конституционной реформы, не одобрили попытку пресечения деятельности федерального парламента. Согласились содействовать главе исполнительной власти России, как показывают различные данные, твердо лишь 56 % глав областных администраций и в пассивной форме еще 12 %». По данным того же «Центра», Верховный Совет мог заручиться поддержкой 82 республиканских, областных и краевых советов и части глав администраций, в том числе лидеров такой мощной межрегиональной структуры, как «Сибирское соглашение». Перед президентом стояла проблема наращивания сил противостоящей ему «советской вертикали власти» и активизации сторонников одновременных выборов. И хотя данные «Центра аналитической информации по политической конъюнктуре России» были во многом неоднозначны и противоречивы, они не могли не встревожить президента [13].

К началу октября президентской стороне все труднее было контролировать ситуацию. Многообразие печатных изданий позволяло противникам президента хоть и скупое, но доносить свои взгляды до населения России. В прямой оппозиции к правительству и Президенту РФ выступила газета «Омское время». Непримируемую позицию заняли местные организации КПРФ, РОСа, РКРП, Имперского ордена монархистов, Военно-монархического союза, движение «Трудовой Омск», Федерация независимых профсоюзов [14].

В складывающейся ситуации президент не мог рассчитывать на успешное проведение в жизнь мер, намеченных Указом 1400. Кризис 3 — 4 октября поставил в затянущемся противостоянии кровавую точку.

В этот период аналитикам было трудно прогнозировать политическую активность населения, появился элемент настороженности и страха. Хотя проведенные наблюдения и итоги экспресс-опросов в СМИ показывали преобладание настроений за участие в выборах [15].

После событий 21 сентября и 3 — 4 октября 1993 года никто уже не мог противостоять президенту и его сторонникам, получившим возможность провести голосование на референдуме по Конституции и избирательную кампанию по своему сценарию.

Во-первых, он мог 12 декабря провести только референдум с одним вопросом — одобряете ли Вы проект новой Конституции? Но в этом случае практически автоматически возник бы блок сил, куда вошли бы все противники президента. Лозунгом этого союза стал бы либо призыв к бойкоту референдума по Конституции, либо призыв голосовать против Конституции. Для президента опасность представляло первое. Неучастие в голосовании примерно 30 % (от общего числа) обычно не голосующих избирателей плюс 30 % (опять же от общего числа) избирателей, поддерживающих политических противников президента дало бы явку на референдум не более 40 — 45 % от общего количества избирателей. Как следствие, новый Основной закон страны не был бы принят.

Вторым вариантом было бы совмещение референдума по проекту Конституции с выборами депутатов нижней палаты Федерального собрания — Государственной думы. В этом варианте была возможность избежать бойкота голосования. Было ясно, что своих сторонников призвут голосовать либеральные демократы, не занимающие каких-либо позиций в верхних эшелонах власти и, как следствие, туда стремящихся. Можно было рассчитывать на участие в выборах КПРФ, фактически не представленной в «парламенте». При этом было неважно, будет электорат этих политических сил голосовать за проект или против проекта новой Конституции. Важен был не их выбор, важно было их участие.

Однако партии и избирательные объединения за исключением отдельных не имели к осени 1993 года региональных структур способных повлиять на активность избирателей или проконтролировать избирательные комиссии. Не контролировал избирательную машину и президент. Естественно Центральную избирательную комиссию (ЦИК) возглавил человек президента — Н. Рябов, но 100 тысяч участковых избирательных комиссий, а также окружные избирательные комиссии были во власти тех, кто обладал реальным влиянием в регионе. После ликвидации советов такой властью обладали только главы администрации.

Главы администраций прямой заинтересованности в выборах не имели. Никто из них не собирался баллотироваться в депутаты Госдумы и оставлять свой пост. Соответственно, обеспечивать явку избирателей на выборы, приводящие в элиту Г. Явлинского, Г. Зюганова, В. Жириновского или Е. Гайдара и других, они не собирались. Провал голосования 12 декабря открывал перед ними заманчивую перспективу стать единственной законной элитой страны. Таким образом, выбор второго варианта был чреват угрозой бойкота голосования местной властной элитой. Этот бойкот выразился бы не через призывы к избирателям не участвовать в выборах, а через саботаж организации работы избирательных комиссий. Для нейтрализации этого возможного саботажа был пущен в ход третий вариант сценария выборов 12 декабря — одновременное проведение референдума и выборов в обе палаты Федерального собрания. Хотя по новой Конституции члены Верхней палаты — Совета Федерации должны были делегироваться от регионов. Это препятствие было с легкостью обойдено рассуждениями о том, что новая Конституция еще не вступила в силу, механизм делегирования не выработан, верхняя же палата, причем предельно легитимная, нужна сегодня, а что может быть легитимнее выборов? Объявив о выборах членов Совета Федерации, президент поставил глав администраций перед дилеммой: либо от имени их регионов в Москве будут говорить какие-то иные люди, либо сами главы администраций и их ближайшие помощники вступят в предвыборную борьбу, а заодно обеспечат массовое

голосование и по проекту Конституции. Администрация президента прямо рекомендовала главам администраций регионов выставлять свои кандидатуры в депутаты Верхней палаты. В условиях, когда большинство руководителей регионов были не избраны, а назначены президентом или выбраны региональными законодательными собраниями поражение или невыразительная победа могли стать предлогом для замены не пользующегося общественным доверием лидера. Главы администраций, таким образом, были обречены вести борьбу за решительную победу, заодно вручая избирателям бюллетени для голосования по проекту новой Конституции.

В этом варианте можно было опасаться только одного — выборов в Федеральное собрание, которое, согласно положению о выборах, считалось бы состоявшимся уже при 25 % явке и недобора 50 % явки на голосование по проекту Конституции. Поэтому, предоставив главам регионов возможность стать сенаторами, президент поставил их перед угрозой отрешения от должности в случае неорганизованного проведения голосования 12 декабря. Президент поставил на Конституцию, которая давала ему при любом исходе голосования в Госдуму, да и в Совет Федерации контролировать ситуацию в стране.

Библиографический список

1. Сибирская газета. — 1993. — № 21.
2. Сибирская газета. — 1993. — № 22.
3. Сибирская газета. — 1993. — № 23.
4. Там же.
5. Сибирская газета. — 1993. — № 24.
6. Сибирская газета. — 1993. — № 26.
7. Сибирская газета. — 1993. — № 28.
8. Сибирская газета. — 1993. — № 33.
9. Там же.
10. Сибирская газета. — 1993. — № 38; ЦДНИОО. Ф. 9618.
- Оп. 1. Текущий архив; Диспут. — 2000. — № 3 (4).
11. Новое обозрение. — 1993. — № 37.
12. Сибирская газета. — 1993. — № 38; ЦДНИОО. Ф. 9618.
- Оп. 1. Текущий архив; Полежаев А. К. Вперед на медленных тормозах... М., 1994 с. 113, 115; Омская правда. — 1993. — 10 октября.
13. ЦДНИОО. Ф. 9618. Текущий архив.
14. ЦДНИОО. Ф. 9618. Текущий архив. Аналитическая информация, характеризующая социально-политическую обстановку в Омской области. Г. Н. Татаринова. 4 с.
15. Там же.

НОВИКОВ Валентин Сергеевич, ассистент кафедры истории и регионального развития Омского государственного аграрного университета, аспирант кафедры отечественной истории Омского государственного педагогического университета.

Статья поступила в редакцию 20.03.08 г.

© С. В. Новиков

ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫХ СКЛАДОВ ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКОГО УПРАВЛЕНИЯ В СИБИРИ (КОНЕЦ XIX — НАЧАЛО XX вв.)

На основании проведенного исследования можно сказать, что главным результатом деятельности сельскохозяйственных складов Переселенческого управления стало приращение на территорию Сибири и Дальнего Востока материально-культурных ценностей Европейской части России. Это и определяет роль сельскохозяйственных складов в политике царского правительства как инструмента в аграрном освоении Сибири и Дальнего Востока.

Актуальность темы объясняется тем, что аграрный вопрос стоит очень остро в наши дни. Земельный кодекс и закон об обороте земель хозяйственного назначения ломают основы собственности на землю, провозглашая приоритет частной собственности. Развитие агропромышленного комплекса является одним из основных национальных проектов. В связи с этим знание аграрной истории дореволюционной России представляется особо важным. В связи с возросшими миграциями в постсоветской России является значимым изучение колонизации окраин Российской империи в конце XIX — начале XX вв.

Специальных работ по этому вопросу нет. В обширной отечественной историографии даются лишь отдельные оценки роли сельскохозяйственных складов Переселенческого управления в работах Л. Ф. Склярова, С. М. Дубровского, Л. М. Горюшкина, И. А. Асаланова, В. Г. Тюкавкина, Л. Б. Ус, Д. Я. Резун, М. В. Шиловский, Д. М. Кузнецова. В. Г. Тюкавкин писал о необходимости изучения деятельности сельскохозяйственных складов. Наиболее полное освещение этого вопроса дано в работе Д. М. Кузнецова [1]. В работах Д. Я. Резуна и М. В. Шиловского рассматриваются вопросы культурного освоения Сибири (авторы опираются на теорию фронта) в конце XIX — начале XX вв. [2].

Источники для изучения вопроса многообразны. Их можно классифицировать на группы в зависимости от характера: законодательные, делопроизводственные, статистические материалы, периодическая печать. Отечественную историю переселенческой политики царизма в Сибири правомерно начинать рассматривать с рубежа 80 — 90-х гг. XIX в., т.к. отношение правительства к переселенческому движению более или менее выразилось во «Временных правилах» 1881 г. и в законе о переселении 13 июля 1893 г. [3], а также в ряде других правительственных постановлений 90-х годов XIX века: высочайшие утверждения от 7 декабря 1895 г. и 15 марта 1896 г. (о выделении средств на организацию сельхозскладов в Сибири), вплоть до закона 1904 г. и аграрного законодательства Столыпинской реформы. Данный вид ис-

точников опубликован во втором (П) и третьем (Ш) Собрании Законов Российской империи (ПСЗ) и в специальных изданиях [4].

Наиболее ценными источниками для освещения заявленного вопроса являются материалы делопроизводственного характера, хранящиеся в фондах государственного архива Омской области (ГАОО), важное место в которых занимают отчеты. В ГАОО сосредоточены документы по деятельности сельхозскладов на территории всей Сибири — это Фонд 78 «Главная контора сельскохозяйственных складов Переселенческого Управления в Омске 1900 — 1919 гг.». Центральное место в массиве документов данного фонда занимают сводные годовые отчеты, составлявшиеся директором сельскохозяйственных складов и главным бухгалтером. По своей структуре отчеты состоят из объяснительной записки к отчету и цифровых данных бухгалтерского типа. При формировании отчетов использована единая схема построения, что облегчает исследование, делает возможным сопоставить результаты на протяжении ряда лет. В этих документах содержится важная информация о природно-климатических условиях каждого года, численности складов и их местонахождении, оборотных средствах, о конкуренции с частными фирмами, о покупке и продаже сельхозскладами машин, орудий, инвентаря и семян, о кредитной политике складов. Отчеты за все годы деятельности сельхозскладов опубликованы в г. Омске и имеют очень высокую степень репрезентативности по рассматриваемой проблеме. Фонд 78 располагает большим количеством разновидностей делопроизводственной документации, позволяющей всесторонне рассмотреть заявленную проблему: циркуляры, распоряжения и инструкции по различным отделам переселенческого Управления, отчеты различных структурных подразделений переселенческого Управления, переписка об открытии сельхозскладов и их отделений, постановления Главной конторы, деловая переписка, ведомости цен и др.

С 1894 г. Министерство земледелия и государственных имуществ, а с 1907 г. Главное Управление землеустройства и земледелия ежегодно стали публи-

ковать «Обзор деятельности», но обзоры страдают конспективностью изложения. Достаточно подробный анализ представляют отчеты Переселенческого Управления ГУЗиЗ «Переселение и землеустройство за Уралом», охватывающие 1906 – 1915 годы, в отличие от отчетов сельхозскладов они носят обобщающий, немного аналитический характер, часто снабжены фотографиями.

Отчеты высокопоставленных чиновников, посетивших Сибирь, Ермолова, Куломзина, Тихеева, Пестржецкого, Столыпина и Кривошеина [5] — содержат анализ аграрных мероприятий и обоснование необходимости предлагаемых законодательных преобразований в будущем. Отчеты сопровождалась приложениями со статистическими материалами и записками специалистов, дают общий фон для изучения деятельности складов.

Материалы для исследования дают ежегодные отчеты губернаторов и генерал-губернаторов Сибири.

Статистический материал содержат все перечисленные выше делопроизводственные документы. Отчеты содержат подробный, в большинстве ретроспективный материал. Ценнейшим источником для сравнительного анализа потребления сельхозтехники Европейской и Азиатской Россией является сборник «Сельскохозяйственные машины и орудия в Европейской и Азиатской России в 1910» [6] и сборники о наличии инвентаря в переселенческой деревне.

Интересными для изучения ассортимента товаров складов являются каталоги и справочники о проведении первой Западно-Сибирской сельскохозяйственной, лесной и торгово-промышленной выставки в г. Омске в 1911 г., в которой склады приняли деятельное участие. Данный источник показывает состав экспонатов и дает краткое их описание [7].

Из периодических изданий материалы для рассматриваемого вопроса дают публикации в журнале «Вопросы колонизации», который издавался Переселенческим Управлением. Здесь публиковались «сметы специальных средств Переселенческого Управления», на основе которых осуществлялось финансирование деятельности складов. «Сибирские Вопросы», «Степной край» — данные источники характеризуют круг промышленных предприятий, входящих в сеть поставщиков сельскохозяйственных складов, а также дают более яркое представление о деятельности складов в области агрикультурных мероприятий.

Указанный комплекс источников позволяет дать анализ деятельности сельскохозяйственных складов Переселенческого Управления в Сибири в конце XIX — начале XX вв., а также возможность рассмотреть вопросы становления и развития данного государственного предприятия. Многие архивные материалы не использовались ранее историками и впервые вводятся в научный оборот.

Новизна статьи заключается в том, что впервые прослежено становление и развитие системы сельскохозяйственных складов, выделены этапы и условия деятельности складов, показана динамика реализации инвентаря и семян с 1897 г. по 1916 г. Предпринята попытка оценить роль сельскохозяйственных складов Переселенческого Управления в колонизации Сибири с точки зрения теории фронта. Практическая значимость видится в использовании материалов данного исследования студентами для подготовки семинарских занятий по теме «Аграрная политика царизма в Сибири XIX — начале XX вв.», «Столыпинская аграрная реформа» и т.д.; для написания курсовых, дипломных, кандидатских работ.

Цель статьи заключается в выявлении характерных черт, особенностей деятельности сельскохозяйственных складов Переселенческого Управления на территории Сибири, как одного из орудий колонизационной политики царского правительства, и их роли в аграрном освоении края в конце XIX — начале XX вв.

Сибирские и Дальне-Восточные просторы, на которых действовали сельхозсклады Переселенческого Управления, раскинулись от г. Челябинска до г. Владивостока с запада на восток и от Тобольской губернии до Семиреченской области с севера на юг. По площади эти территории занимали приблизительно 2/3 всей площади России.

Массовое использование сельскохозяйственных машин началось с сооружением Сибирской железной дороги в 1891 году, которая облегчила и удешевила их доставку из Европейской России в Сибирь. Быстрый рост крестьянских хозяйств, засчет переселения, недостаток наёмной рабочей силы в сибирской деревне, специфика условий земледельческого производства содействовали широкому распространению усовершенствованных орудий. Это требовало создание рынка сельхозорудий, в связи с этим правительство приступило к созданию складов по их продаже. Еще одним важным вопросом, в воплощении которого реализовывалась программа по созданию сельхозскладов, был вопрос об охране железной дороги, т.е. требовалось создание большого количества поселений вдоль магистрали, в связи с этим сеть сельскохозяйственных складов формировалась согласно распределению основных потоков заселения Сибири. Согласно с выше означенной программой, в 1893 году были изданы Временные правила о переселении в Сибирь, которые были утверждены 13 июня 1893 года [8]. Наиболее важной проблемой для царского правительства являлась напряженная обстановка в среде крестьянства европейской части России, что заставляло его начать активное переселение крестьян европейской части за Урал, в процессе реализации которого воплощалась программа по созданию сети государственных предприятий занимающихся снабжением населения сельхозтехникой. О необходимости использования усовершенствованных сельхозмашин в Сибири писал еще в 1863 г. глава Сибирского отделения Российского географического общества П. Э. Кларк.

В процессе переселения и развития капитализма вширь в Сибири появляются более современные сельскохозяйственные орудия. В 80-е г. XIX в. в Тобольской губернии распространённая двуконная соха «пермянка» сменила одноконную «рогалюху» и «вельчугу», в городах Тюмени, Кургане, Томске и Барнауле существовали кустарные мастерские, выпускающие «пермянки» для всей Сибири [9]. В начале 90-х г. XIX в. на Алтае и местностях к востоку от Томска получили распространение небольшие ручные веялки, а у зажиточных крестьян — конные молотилки. В зажиточных хозяйствах четырёх уездов Енисейской губернии в 80-х г. XIX в. было зарегистрировано 169 кустарных молотилок и более 1700 веялок. Но молотилок в Сибири в то время было немного [10]. С 1890 г. на Алтае распространяется плуг, в 1895 г. в Барнаульской волости имелось 12 молотилок и жатка [11]. Использовались орудия преимущественно кустарного производства, но сибирские кустари достигли немалого совершенства. Иногда крестьяне предпочитали использовать веялки и молотилки местного изготовления — они более соответствовали своему назначению, чем фабричные.

Историю деятельности сельхозскладов можно разделить на четыре этапа: с 1895 по 1898 гг.; с 1898 по 1906 гг.; с 1907 по 1910 гг.; с 1911 по 1917 гг.

К середине 90-х г. XIX в. на дело снабжения населения Сибири сельхозорудиями и машинами обратил внимание комитет Сибирской железной дороги (создан 10 декабря 1892 года) [12]. Несмотря на то, что комитет создавался для непосредственной координации строительства дороги, он, по сути, являлся инструментом осуществления правительственной политики по освоению Сибири. На заседаниях комитета обсуждались не только вопросы строительства Транссиба, но и социально-экономические проблемы, в том числе проблемы обустройства переселенцев. Во время своей деятельности комитет стал высшим государственным органом, на заседаниях которого вырабатывалась государственная политика по отношению к Сибири. Высочайше утвержденным 7 декабря 1895 г. журналом комитетом было отпущено в распоряжение МВД, в ведении которого состояло в то время Переселенческое Управление, на устройство сельскохозяйственных складов в Сибири из фонда вспомогательных предприятий 30 000 руб. Затем высочайше утвержденным 15 марта 1896 г. журналом было отпущено ещё 10 000 руб. Министерству земледелия и государственных имуществ.

Таким образом, возникло две сети складов, разделённые между двумя ведомствами. Склады каждого отдельного ведомства не имели между собой внутренней связи, общего плана в управлении. Поэтому 1 марта 1898 г. состоялось объединение всех складов в ведение Переселенческого Управления. Оно приняло под своё руководство 11 складов с оборотным капиталом 133 тыс. руб. [13]. В г. Омске была учреждена Главная контора в 1899 году. В целом период с 1895 года по 1898 год можно характеризовать как время возникновения данного государственного предприятия со всеми вытекающими последствиями.

Промежуток времени с 1898 года по 1906 год характеризовался становлением системы сельскохозяйственных складов на территории Сибири. Период заканчивается в 1906 году, с началом проведения в жизнь Столыпинской аграрной реформы. Всего же в этом году на территории Сибири действовало 12 сельскохозяйственных складов ПУ.

Период с 1907 по 1910 гг. был связан с максимальным переселенческим потоком, пришедшимся на 1908 – 1909 годы. В этот период проявляются предпосылки для рывка 1910 – 1911 гг. в деле снабжения населения Сибири сельхозмашинами, орудиями и инвентарем, которые заключались в изменение характера переселения (отток переселенцев обратно в европейскую часть страны), т.е. с этого времени было необходимо закрепить переселенцев на освоенных землях и не допустить их возвращения.

Завершающим периодом деятельности сельхозскладов относится 1911 – 1917 гг. К середине данного периода сельхозсклады удваивают свои обороты, что говорит об окупаемости данного государственного предприятия, затем, с началом Первой мировой войны, а последствия и революционных событий деятельность сельхозскладов постепенно затухает и прекращается.

Основной **целью** сельскохозяйственных складов Переселенческого Управления было снабжение крестьянского населения Сибири и Степного края, а впоследствии и Дальнего Востока сельскохозяйственными машинами и орудиями на наиболее льготных условиях по сравнению с частными производителями, прежде всего с небольшими объемами оборотов.

Правительством России перед сельхозскладами были поставлены следующие **задачи**:

1. На сельскохозяйственные склады Переселенческого Управления была возложена задача оказывать регулирующие влияние на цены сельскохозяйственных машин и сопутствующих товаров.

2. Одной из важнейших задач складов было осуществление рывка в количественном и качественном оснащении населения с/х машинами и орудиями и инвентарем, который был осуществлен уже после 1910 года.

3. Наличие большого количества запасных частей к продаваемой ими технике, также являлось важной задачей деятельности переселенческих складов.

4. Немаловажной была задача складов в снабжении населения улучшенными семенами хлебных культур, а также семенами трав и огородных растений. В решении данной задачи сельхозсклады развивали сеть зерноочистительных пунктов, которых к 1911 году на территории деятельности предприятия насчитывалось 22 единицы.

5. Задачей переселенческих складов было предоставление населению таких условий кредитования, при которых отпуск машин, орудий и инвентаря был бы стабильным почти всем промежутке деятельности данного государственного предприятия.

6. Важной задачей в деятельности складов считалась поддержка «отечественного производителя». Она выражалась в приобретении для продажи через склады продукции отечественных заводов и изделий кустарного производства. Поддержка кустарного производства производилась в целях укрепления данной категории населения в отношении материальной обеспеченности, что бы дало возможность закрепления данного населения на колонизируемых территориях.

Для того чтобы правильно оценить вклад сельхозскладов Переселенческого Управления в дело снабжения сибирского населения сельхозмашинами и орудиями, необходимо дать общую характеристику ввоза и обеспеченности сельхозмашинами населения Сибири относительно европейской части страны. Так, по данным среднегодового получения сельхозмашин двадцатью лидирующими губерниями за 1900 – 1913 годы, начиная с 1905 года Томская губерния и Акмолинская область входят в десятку самых снабжаемых районов сельхозтехникой, занимая 5-е и 6-е места с общим объемом ввоза сельхозмашин и орудий 1311 тыс. пудов, в 1908 – 1910 году эти регионы занимали уже второе Акмолинская — 1444 тыс. пудов — и четвертое Томская — 1317 тыс. пудов — место соответственно, а в 1911 – 1913 году стали лидерами: первое место Томская губерния (1973 тыс. пудов) и четвертое место Акмолинская область (1562 тыс. пудов) [14].

Таким образом, по Сибири в целом не имели машин и усовершенствованных орудий немногим более 1/5 части хозяйств, или 21,1 %, тогда как в Донской области такие хозяйства составляли 1/3, или 33,27 %, а в 34 губерниях Европейской России 52 % [15]. Следовательно, сибирское сельское хозяйство было более оснащено машинами и усовершенствованным инвентарем, чем хозяйства Европейской России.

По данным с 1898 по 1914 год, в Сибири было продано сельскохозяйственных машин и орудий на сумму в 169 369 676 руб., в среднем в год на 9 374 686 руб. Потребление машин особенно возросло в последнее предвоенное десятилетие, с 1908 по 1914 год. При этом более трети (34,7 %) машин и орудий, проданных в Сибири с 1902 по 1912 год, приходилось на Томскую

губернию [16]. Вместе с тем машины и орудия были распространены неравномерно, и в пределах каждой губернии и области Сибири. Деятельность сельскохозяйственных складов Переселенческого Управления с пятиллионным оборотом в 1908 году, составляющим 1/3 часть оборотов местного рынка по продажам сельхозмашин и орудий, за незначительными колебаниями, сохранялась за сельхозскладами до момента их закрытия. Данный факт был одним из основополагающих в процессе регулирования цен на сельхозтехнику. Анализируя в целом произведенную деятельность складов за указанный промежуток времени, необходимо отметить, что они стояли на верном пути и обслуживали свои задачи в пределах отпущенных им материальных средств. А тот факт, что склады на всем протяжении своей деятельности удовлетворяли 1/3 всего рынка сбыта сельхозтехники в Сибири, говорит, что данное государственное предприятие выполняло основную функцию по регулированию цен на данный товар, при этом выполняя немаловажную функцию по поддержке отечественного фабричного и кустарного производства.

Если бы речь шла о далеком будущем сельхозскладов, то можно утверждать, что такому предприятию, которое неизбежно обладает немалым количеством дефектов любого государственного предприятия, невозможно было бы удержаться на плаву, т. к. оно не выдержало бы конкуренции с частными предпринимателями.

Известно, что всякая казенная торговля при нормальных условиях не окупается или не оправдывается, кроме случаев, когда она преследует фискальные цели или вытекает из владения казенным имуществом. Однако основная цель — создание условий для переселенца — была тем самым исключительным фактором, который побудил правительство заняться торговлей или снабжением сельхозмашинами и орудиями населения в Сибири, где в рассматриваемый период не было развитой кооперации и почти отсутствовала частная торговля данным товаром.

Но нельзя упускать из виду одного важного обстоятельства, а именно того, что казенные склады по своей главной задаче — предприятие временное и, более того кратковременное. Важнейший период деятельности сельскохозяйственных складов приходился на 1910 — 1914 гг., после чего в связи с военными действиями, а впоследствии и с революционными событиями, вставал вопрос о почетной ликвидации предприятия.

Опираясь на теорию фронта можно сказать, что главным результатом деятельности сельскохозяйственных складов Переселенческого Управления стало привнесение на территорию Сибири и Дальнего Востока материальных культурных ценностей европейской части России. Это и определяет роль сельскохозяйственных складов в политике царского правительства как инструмента в аграрном освоении Сибири и Дальнего Востока.

Библиографический список

1. Кузнецов, Д. В. Администрация и поиски путей сельскохозяйственного освоения Среднего Прииртышья в конце XIX — начале XX вв.: Автореф. Дис. ...к.и.н. — Омск, 2000. — 18 с.; Дубровский, С. М. Столыпинская земельная реформа: Из истории сельского хозяйства и крестьянства России в начале XX в. / С. М. Дубровский. — М.: Изд-во АН СССР, 1963. — 599 с.; Асаланов, И. А. Сельское хозяйство Сибири конца XIX — начала XX в. / Иннокентий Арсеньевич Асаланов. — Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1975. — 267 с.; Горюшкин, Л. М. Аграрные

отношения в Сибири периода империализма (1900 — 1917 гг.) / Л. М. Горюшкин. — Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1976. — 343 с.; Тюкавкин, В. Г. Великорусское крестьянство и Столыпинская аграрная реформа / В. Г. Тюкавкин. — М.: Памятники исторической мысли, 2001. — 344 с.

2. Резун, Д. Я., Шиловский, М. В. Сибирь, конец XVI — начало XX века: фронт в контексте этносоциальных и этнокультурных процессов / Д. Я. Резун, М. В. Шиловский. — Новосибирск, 2003. — 342 с.; Шиловский, М. В. К вопросу о колониальном положении Сибири в составе русского государства / М. В. Шиловский // Европейские исследования в Сибири. Томск, 2001. Вып. 3. С. 6 — 16; Шиловский, М. В. Основные направления политики правительства по отношению к Сибири во второй половине XIX — начале XX в. / М. В. Шиловский // Сибирское общество в контексте модернизации XVIII — XX вв. : сб. материалов Всерос. конф.; Томск. гос. ун-т. — Томск, 2002. — С. 35 — 44.; Шиловский, М. В. Специфика колонизации США и Сибири / М. В. Шиловский // Фронт в истории Сибири... Вып. 2. С. 36 — 49; Шиловский, М. В. Переселения в государственной политике колонизации Сибири (XVII-XIX вв.) / М. В. Шиловский // Россия и Сибирь: проблемы взаимодействия в региональной политике в исторической перспективе: Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 180-летию сибирских реформ М. М. Сперанского (25 — 26 февраля 2003 г.) / науч. ред. Л. М. Дамешек. — Ч. 1. — Иркутск, 2004. — С. 19 — 26. и др.

3. Худяков, В. Н. Аграрная политика царизма в Сибири в пореформенный период / В. Н. Худяков; под ред. Л. М. Горюшкина. — Томск: Изд-во Том. ун-та, 1986. — 264 с.

4. Сборник законов об устройстве крестьян и инородцев Сибири и Степного края: По новому, 1902 года, изданию / сост. Г. Г. Савич. — СПб, ГУЗиЗ, 1903. — 326. — (Изд. неофициальное); Сборник законов и распоряжений по переселенческому делу и по поземельному устройству в губерниях и областях Азиатской России (по 1 августа 1909 г.). СПб.: Изд. Переселенческого Управления Главного Управления землеустройства и земледелия, 1909. — XXIV, — 698 с.; Переселение и землеустройство в Азиатской России: Сб. законов и распоряжений / Сост.: В. П. Вошинин. Ред. Г. Ф. Чиркин. Пг.: Б.и., 1915. — XIV + 509 с.

5. Всеподданнейший доклад министра земледелия и государственных имуществ по поездке в Сибирь летом 1898 года. — СПб: Тип. Киришбаума, 1899. — 59 с.; Всеподданнейший доклад министра земледелия и государственных имуществ по поездке в Сибирь осенью 1895 г. СПб: Тип. Киришбаума, 1896. — 53 с.; Всеподданнейший отчет статс-секретаря Куломзина по поездке в Сибирь для ознакомления с положением переселенческого дела. — СПб: Гос. тип., 1896. — 187 с.; Записка Председателя Совета министров и главноуправляющего землеустройством и земледелием о поездке в Сибирь и Поволжье в 1910 году (Приложение к Всеподданнейшему докладу) / (Столыпин П. А., Кривошей А. В.). — СПб.: Тип. газ. Россия, 1910. — 184 с.

6. Сельскохозяйственные машины и орудия в Европейской и Азиатской России в 1910 г. — СПб: Центральный статистический комитет Министерства внутренних дел, 1913. — 121 с.; Мертвый инвентарь в хозяйстве сельского населения Акмолинской области. — Омск: Тип. печ. искусства, 1917. — 19 с.

7. Первая Западно-Сибирская сельскохозяйственная, лесная и торгово-промышленная выставка в г. Омске в 1911 г. — Тобольск: губ. Тип., 1911. — 32 с.

8. Худяков, В. Н. Аграрная политика царизма в Сибири в пореформенный период / В. Н. Худяков; под ред. Л. М. Горюшкина. — Томск: Изд-во Том. ун-та, 1986. — 264 с.

9. Горюшкин, Л. М. Аграрные отношения в Сибири периода империализма (1900-1917 гг.) / Л. М. Горюшкин. — Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1976. — 343 с.

10. Горюшкин, Л. М. Аграрные отношения в Сибири периода империализма (1900-1917 гг.) / Л. М. Горюшкин. — Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1976. — 343 с. (С. 237).

11. Горюшкин, Л. М. Аграрные отношения в Сибири периода империализма (1900-1917 гг.) / Л. М. Горюшкин. — Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1976. — 343 с. (С. 215).

12. Ус, А. Б. Деятельность комитета Сибирской железной дороги по организации переселений (сб. ст.) / А. Б. Ус // Сибирский пламенный котел. — Новосибирск: Сибирский хронограф, 2004. — С. 196-210.

13. Переселение и землеустройство за Уралом: Отчет по переселению и землеустройству: 1906-1915. — СПб.: Переселенческое Управление Главного Управления Землеустройства и Земледелия, в 1906-1910 гг. — СПб, 1911. — 501 с.

14. Давыдов, М. А. Очерки аграрной истории России в конце XIX — начале XX вв. (По материалам транспортной статистики и статистики землеустройства) / М. А. Давыдов. — М., Издательский центр РГГУ, 2003. — 589 с.

15. Асалханов, И. А. Сельское хозяйство Сибири конца XIX — начала XX в. / Иннокентий Арсеньевич Асалханов. — Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1975. — 267 с.; ГАОО. Ф. 78. Оп. 1. Д. 78. Л. 7.

16. ГАОО. Ф. 78. Оп. 1. Д. 78. Л. 8.

ГРАЧЕВ Роман Олегович, аспирант кафедры отечественной истории.

Статья поступила в редакцию 07.03.08 г.

© Р. О. Грачев

УДК 947.083.72+323.2(571.1)

А. А. ЦИНДИК

Институт ветеринарной медицины
Омского государственного аграрного
университета

СЕКРЕТНАЯ АГЕНТУРА ПОЛИЦИИ В БОРЬБЕ С РЕВОЛЮЦИОННЫМ ДВИЖЕНИЕМ В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ (1907—1914 гг.)

В статье рассматривается деятельность губернских жандармских управлений в борьбе с революционным подпольем через использование секретной агентуры. Исследуется период 1907—1914 годов на территории Западно-Сибирского региона.

В конце XIX — начале XX вв. борьбу с революционерами в России вело Министерство внутренних дел при помощи подчинявшегося ему отдельного корпуса жандармерии. Однако противостоять всё более нарастающей волне революционного движения без применения тайной агентуры было очень сложно. Методы работы жандармерии не соответствовали современным требованиям, — устарели. Практически не существовало секретной агентуры и вольнонаёмного сыска.

Руководитель Московского охранного отделения (1896 — 1902 гг.) полковник С. В. Зубатов поставил русский политический сыск на новый уровень. Он организовал розыскное дело в империи по западноевропейскому образцу. Основное значение в борьбе с революционерами Зубатов придавал внутренней агентуре. Своим помощникам он внушал буквально благоговейное отношение к агентам в революционном лагере, сам систематически и целенаправленно вёл поиски сотрудников¹.

Теперь, МВД и жандармские управления на местах стали обладать более обширной и разносторонней информацией. Одним из важнейших её источников стала разветвлённая, пронизывающая все слои общества, система тайной агентуры. Здесь действовали свои традиции и нравы. Строго хранились свои профессиональные тайны. Накануне Февральской революции в этой системе было задействовано, по одним данным — около двух, по другим данным — около сорока тысяч человек².

При Московском охранном отделении была составлена специальная Инструкция по организации и

ведению внутренней агентуры. В ней указывалось, что: «Состав агентуры пополняется лицами, непосредственно входящими в какие — либо преступные организации или прикосновенным к последним ...». Члены таких преступных сообществ (революционных организаций и групп. — А. Ц.) назывались «агентами внутреннего наблюдения» или «секретными сотрудниками»³. Были ещё и «вспомогательные агенты», лица, не входившие непосредственно в революционные организации, но соприкасавшиеся с ними. Кроме того, среди внутренних агентов, получавших от полиции постоянное ежемесячное жалование (оно зависело от уровня важности сведений и от ценности агента, а так же от его положения в революционном подполье), были так называемые «штучники» — лица, получавшие плату за каждую отдельную информацию.

Когда полиция производила ликвидации революционных групп, то принимала все меры, чтобы при этом на секретного сотрудника не пало бы никаких подозрений, иначе это могло стоить ему жизни. Помимо материального обеспечения секретных сотрудников в Инструкции учитывались даже психологические мотивы. Указывалось, в частности, что роль сотрудника нравственно крайне «тяжела» и рекомендовалось, во время свиданий с заведующим агентурой, оказывать сотруднику внимание, сочувствие и нравственную поддержку⁴.

Привлечение к работе секретных сотрудников (в революционной среде их называли провокаторами⁵) сразу стало приносить полиции практически ощутимые результаты. Так, например, один из луч-

ших учеников С. В. Зубатова, жандармский офицер А. И. Спиридович сумел очень быстро добиться ликвидации и ареста подпольной типографии революционеров в Томске в сентябре 1901 года. Произошло это благодаря информации от секретного агента «Азефа», который тогда начинал свою агентурную деятельность в партии социалистов — революционеров. При этом на «Азефа» не пало и тени подозрения. Революционеры считали, что работавшие в типографии не соблюдали правил конспирации и это повлекло за собой провал. Тем более, что А. И. Спиридович скрывал от арестованных степень осведомлённости властей⁶.

В период первой российской революции использование внутренней агентуры уже прочно вошло в систему мер Департамента полиции для борьбы с революционным движением. Ещё более усилилась эта тенденция в годы реакции и нового революционного подъёма. Достаточно посмотреть сохранившиеся в архивах материалы делопроизводства центральных и местных карательных и административно-управленческих органов царизма, чтобы убедиться в этом. Во многих отчётах, донесениях, служебных записках и разного рода бумагах официального характера говорится о том, что сведения поступали благодаря секретной агентуре. При этом часто указываются клички (служебные псевдонимы) этих агентов. Секретные сотрудники постоянно информировали местные и центральные власти о составе революционных групп, настроении их участников, давали фамилии, адреса, партийные явки, докладывали о прошедших или намечающихся мероприятиях.

Такая ситуация была характерна для всех регионов Российской империи, в том числе и для Западной Сибири. Конечно, самые знаменитые агенты типа «Азефа», возглавлявшего Боевую Организацию эсеров, и работавшего одновременно на Департамент полиции, действовали в европейской части страны, за границей и были тесно связаны с Центральными комитетами революционных организаций. Но и на окраинах Российской империи были секретные агенты, которые очень ценились местным руководством и приносили полиции неоценимые услуги.

Одним из таких ценных сотрудников был Николай Николаевич Никулин-Микулин, учитель по профессии, из Пензенской губернии. Начав заниматься революционной деятельностью в 1907 г., в группе анархистов-коммунистов, он вскоре был арестован и после «обработки» стал постоянным сотрудником пензенского жандармского управления под кличкой «Пятницкий» с окладом 65 рублей в месяц.

Его агентурная деятельность развивалась очень успешно. После провала пензенской группы анархистов-коммунистов Никулин-Микулин «работал» в Тамбове, Борисоглебске, Иркутске, Петербурге, снова в Иркутске в составе местных эсеровских организаций. Везде он успешно выполнял задания полиции, регулярно проваливая эсеровские группы и получая жалование уже в размере 100 рублей в месяц⁷. В июле 1909 года Никулин-Микулин был командирован в Томск с основной целью — ликвидировать областной комитет ПСР. В Томске он действовал под кличкой «Осенний» и, имея репутацию опытного партийного работника, быстро выдвинулся в первые ряды местного эсеровского подполья. Естественно, что томская полиция получила в скором времени всю интересующую её информацию и в феврале 1910 года местная организация социалистов-революционеров была ликвидирована. Одних только студентов, примыкавших к эсерам, было арестовано более 60 человек⁸.

Связь Никулина-Микулина с полицией была раскрыта и он был приговорён социалистами-революционерами к смертной казни, но успел убежать и спасти свою жизнь. «С его отъездом, — писал в своём донесении от 10 января 1910 года начальник Томского жандармского управления, — охранка лишилась почти единственного ценного сотрудника по всей Сибири»⁹.

Никулин-Микулин после этих событий продолжил свою агентурную деятельность, но уже в европейской части страны. Затем он служил офицером царской армии, а после 1917 года и Красной армии жил под чужой фамилией в Саратовской губернии, но в 1926 году был разоблачён и расстрелян¹⁰.

Не менее ценным агентом для Западно-Сибирского региона являлся Гавриил Павлович Плотников, чья агентурная деятельность детально разобрана в статье А. П. Толочко¹¹. Г. Плотников, как и Никулин-Микулин являлся членом партии социалистов-революционеров и был одним из руководителей Томской эсеровской организации. Но когда в Томске появился Никулин-Микулин Г. Плотников только ещё начинал свою агентурную деятельность под кличкой «Деловой», получая пока 15 рублей в месяц¹². Конечно, оба секретных агента не догадывались, что они дублируют друг друга.

На счету Г. Плотникова разгром эсеровских организаций в Новониколаевске, Омске, Барнауле, Иркутске, Черемхове и ряде других мест. Кроме того Плотников, используя свои связи в партийной среде, попутно снабжал охранку информацией о деятельности социал-демократов в Томске. Но, как и Никулину-Микулину, ему не удалось уйти от правосудия, и в сентябре 1917 года Г. П. Плотников был арестован и предстал перед губернской комиссией в Томске в качестве обвиняемого¹³.

Департамент полиции через местные жандармские управления внимательно следил за деятельностью многочисленных радикальных организаций и групп. В основном это были представители РСДРП, ПСР и анархистские группы. Наиболее многочисленными и организованными были, безусловно, социал-демократы. Но часто полиции приходилось уделять повышенное внимание эсерам и анархистам, которые проповедовали политический террор и поэтому представляли большую опасность для царской администрации.

Например, благодаря информации, предоставленной секретным агентом «Иваном», осенью 1908 года полиция в Омске знала о готовящемся покушении на командующего войсками Степного края генерал-губернатора Е. О. Шмидта. Шмидт обвинялся эсерами в том, что при нём продолжало действовать «военное положение» на территории Степного края, введённое ещё предыдущим губернатором Н. П. Надаровым и осуществлялись репрессии против революционеров. Полиция установила, что к предполагаемому террористическому акту имела отношение частная учительница Анна Махова. Она находилась в контакте с боевой организацией эсеров и, по сообщению «Ивана», была «фанатично предана делу революции». В конце 1908 года на явочную квартиру Маховой приезжали три члена летучей боевой дружины. Но в местной организации ПСР не было денег и из-за финансовых затруднений террористическая акция была отложена¹⁴.

Но, разумеется, сотрудники жандармских губернских управлений ни на минуту не упускали из виду социал-демократов, имевших большее, чем эсеры и анархисты, влияние на народные массы. Так, в Омске в 1910 — 1914 годы нелегальную работу РСДРП «осве-

щали» секретные сотрудники Иван Красильников и Владимир Шеромов, имевшие в отделе секретной агентуры клички «Иванов» и «Владимиров». Внедрённые в омское социал-демократическое подполье на длительное время, они помогали полиции контролировать работу местных эсдеков. Именно благодаря их агентурным данным были арестованы в 1912 году наиболее активные члены революционного подполья — В. И. Шамшин, А. М. Галкин и др.¹⁵

До наших дней сохранились служебные документы характеризующие работу сотрудников местных жандармских управлений с секретными агентами. Например, в 270-м фонде Государственного архива Омской Области имеются отчёты о суммах израсходованных на агентуру. Так, в марте 1910 года в ОЖУ по этой статье прошло 193 рубля. Причём самыми оплачиваемыми на тот момент агентами оказались «Иванов» — 50 рублей, «Владимиров» и «Львов» — по 35 рублей. Ещё трое секретных сотрудников — «Омич», «Солдат» и «Белый» получили от 10 до 20 рублей каждый¹⁶. Для пояснения укажем, что по средним местным ценам в Западной Сибири в тот период пуд ржи (16 кг.) стоил 66 коп., пуд пшеницы — 92 коп., пуд бараньего мяса — 3 руб. 82 коп., пуд свиного мяса — 4 руб. 32 коп., пуд сливочного масла — 15 руб. 29 коп.¹⁷

Исследователь революционного движения в Сибири С. В. Макачук отмечает, что «во всех губернских городах, где были сосредоточены крупные силы жандармерии и охраны, подпольные организации были буквально напичканы секретными сотрудниками»¹⁸. В 1907—1914 гг. это наблюдалось в Омске, Тюмени, Томске, Барнауле, Новониколаевске.

Особенно сильно страдало от «сексотов» социал-демократическое подполье в Барнауле. В 1909—1912 гг. здесь периодически проходили налёты полиции на явочные квартиры и проводились аресты наиболее активных деятелей местной организации РСДРП. Барнаульские эсдеки потратили много времени на выявление в своих рядах агентов полиции. Им оказался служащий городской управы Н. А. Успенский (партийная кличка «Старик»). Он уже ранее проваливал социал-демократическую организацию в Чите (1905—1907 гг.), а в 1908—1911 гг. «работал» в Барнауле. Местный комитет РСДРП по докладу специальной комиссии исключил Успенского из организации и прекратил с ним всякие отношения¹⁹.

Но и после этого провалы не прекратились. Дело в том, что в Барнаульской организации РСДРП был ещё один внутренний агент полиции — помощник машиниста Е. А. Крутиков. Во время очередной ликвидации он сам был подвергнут аресту и три дня пробыл в тюремном заключении. Это было сделано полицией специально, чтобы отвести от него подозрения. Данная хитрость сработала. Местные эсдеки решили, что предателем является Е. В. Бессонов, одно время даже возглавлявший Барнаульскую организацию РСДРП. Бессонов не признал себя виновным и заявил, что в своё оправдание убьёт ротмистра Корабчакова, который разгромил типографию и произвёл массовые аресты членов организации 26 сентября 1912 года. Партийный суд дал разрешение Е. Бессонову на этот террористический акт, чтобы реабилитировать себя (такая возможность защитить свою честь иногда применялась в революционной среде). Но уже на следующий день ротмистр знал о решении суда, а Бессонов вскоре был призван в армию²⁰. Е. Крутиков, выйдя сухим из воды уехал из Барнаула и продолжил свою деятельность в качестве секретного агента полиции в других городах Сибири²¹.

В целях ликвидации действовавшего в Тюмени социал-демократического подполья в него было внедрено охранкой пять секретных агентов, что дало возможность властям собирать необходимую информацию о местных эсдеках. 18 августа 1912 года полиция произвела аресты и Тюменская группа РСДРП была фактически ликвидирована²². В Новониколаевске в это же время было арестовано около 50 социал-демократов благодаря «сексоту» Александру Цветкову, а с 1913 года здесь был внедрён в партийную среду секретный сотрудник «Петров», с окладом 50 рублей в месяц. Кроме них в Новониколаевске снова «проявил себя» переехавший из Барнаула Ефим Крутиков²³.

В Томске в 1912 году, как, в Барнауле и в Новониколаевске, прошли многочисленные аресты членов местной организации РСДРП. Здесь орудовал Пётр Струнин по кличке «Хмурый». Он являлся секретным агентом полиции с 1907 года, действуя в Омске, Чите, Томске и получая от полиции жалование от 40 до 60 рублей за месяц²⁴.

Задачу Омского жандармского управления облегчало наличие таких ценных секретных сотрудников в рядах местной организации ПСР, как А. Л. Бессонов, под кличкой «Спокойный» и М. Ф. Трофимов «Защитник»²⁵. В 1911 году в городе дважды проводились аресты среди эсеров. Но им удалось «вычислить» одного из агентов полиции — Михаила Трофимова. В январе 1912 года на нескольких улицах Омска были расклеены листовки, выпущенные социалистами-революционерами под названием «На суд общества». В них говорилось об арестах прошлого года и что на основании добытых сведений и фактов эти аресты явились следствием провокаций М. Трофимова. Эсеры писали: «Имея в руках доказательства, мы передаём дело на суд общества»²⁶.

Помимо Бессонова и Трофимова в Омской организации ПСР был ещё один секретный агент — Михаил Фёдоров, являвшийся одним из лидеров местных эсеров. Начальник ОЖУ его особенно ценил, не допуская ареста при ликвидации. Однако начальник Томского охранного отделения Знаменский считал, что М. Фёдоров давно перекинулся на сторону подполья. По его настоянию 17 декабря 1911 года Фёдоров был арестован и сослан в Нарымский край²⁷. Интересно, что в апреле 1912 года в одном из жандармских донесений указывалось, что «после высылки из Омска за политическую неблагонадёжность в административную ссылку в Нарымский край мещанина Михаила Максимовича Фёдорова, в настоящее время работа в омской организации ПСР совершенно остановилась»²⁸.

Донесения тайных агентов, поступающие в охранные отделения, проверялись, анализировались и, в зависимости от ситуации, по ним принимались конкретные меры. Причём с арестами участников революционного подполья полиция не всегда спешила. Так, например, начальник ОЖУ доносил в Департамент полиции 4 февраля 1911 года, что в г. Омске «... существует группа лиц, принадлежащих к социал-демократической рабочей партии, по агентурным сведениям от двух сотрудников той же группы, известно, что члены группы собраний не устраивают, деятельности никакой не проявляют...». И далее делал вывод, что ликвидацию группы можно отложить «до более благоприятного времени»²⁹.

Ликвидации производились когда деятельность революционеров принимала решительные формы и ситуация могла выйти из под контроля полиции. Когда в конце 1911 года произошла попытка Сибирской автономной группы ПСР возродить террор, по различным местам Сибири прокатилась волна арестов³⁰.

Революционные организации Западной Сибири вели борьбу с предателями своих рядов, идя при этом на их физическое уничтожение. В 1906—1910 гг. в Тобольской губернии были убиты секретные агенты Александров, Григоренко, Столбцов, находившиеся в политической ссылке. В последующие годы стали применять бойкот и опубликовывать их имена³¹. Подобные случаи как раз и наблюдались в Барнауле (социал-демократ Н. Успенский) и в Омске (эсер М. Трофимов).

Деятельность секретных сотрудников полиции негативно сказывалась на работе революционного подполья. Огромное впечатление на эсеров, да и на представителей других революционных организаций произвело разоблачение «Азефа». Дело «Азефа» вызвало массовую апатию к революционной работе и породило чувство недоверия к своим товарищам по организации, как к возможным агентам охраны. У арестованного полицией в конце 1908 года омского эсера К. Бабина было обнаружено отправленное ему из Читы письмо с сообщением Центрального комитета ПСР. В нём говорилось, что «инженер Евгений Филиппович Азеф, 38 лет (партийные клички «Толстый», «Иван Николаевич», «Валентин Кузьмич»), состоящий членом БО и ЦК, уличён в сношениях с русской полицией и объявлен провокатором»³².

Страдали от предательства в своей среде и социал-демократы. После двух партийных судов комитет Барнаульской организации РСДРП даже приостанавливал свою деятельность и организация превращалась в конгломерат кружков, а к началу Первой мировой войны и вовсе перестала существовать как таковая³³.

Таким образом, среди ряда факторов тормозивших развитие революционного движения в России, и в частности в Западной Сибири, в период с 1907 по 1914 годы была отлаженная система мер Департамента полиции с секретной агентурой. Эта постоянно осуществлявшаяся деятельность царской охраны наносила огромный урон подпольным организациям и группам революционеров, но всё же не могла разгромить леворадикальный лагерь общественного движения в стране, что в итоге привело в дальнейшем к новым революциям.

Примечания

¹ Прайсман А.Г. Террористы и революционеры; охранники и провокаторы. — М. 2001. — С. 77—78.

² См. например: Жухрай В. Тайны царской охраны: авантюристы и провокаторы. М. 1991. С. 278; Рууд И., Семёнов С. Фонтанка 16. Политический сыск при царях. — М., 1993. — С. 104.

³ Тайны политического сыска: Инструкция о работе с секретными сотрудниками. Публикация З.И. Перегудовой. — С.-П., 1992. — С. 2.

⁴ Тайны политического сыска: ... С. 11.

⁵ Термин «Провокатор», прочно укоренившийся, с легкой руки революционеров, в научно-исследовательской литературе, представляется нам неверным. Ведь по смыслу этого слова провокатором является тот, кто сначала подговаривает людей на те или иные революционные действия, а затем предаёт их полиции. Ничего подобного секретные сотрудники не делали. Они только предоставляли полиции интересующие её сведения. Более логично называть их «предателями», «шпионами», «стукачами», но никак не провокаторами. Разумеется, отдельные случаи провокаторства имелись в революционном движении тех лет, но называть всех подряд секретных агентов полиции провокаторами представляется некорректным. Кстати, об этом говорили руководи-

тели российского политического сыска. См., например: Герасимов А.В. На лезвии с террористами // «Охранка»: Воспоминания руководителей охранных отделений. В 2 т. Т. М., 2004. С. 285; Васильев А.Т. Охранка. Русская секретная полиция // Там же. С. 364.

⁶ Прайсман, А.Г. Террористы и революционеры; ... С. 23; Спиридович А. Записки жандарма. — М., 1991. — С. 72—79.

⁷ Липкин, А. Провокатор Никулин-Микулин // Каторга и ссылка. — 1926. — Кн. 2. — № 23. — С. 98—105.

⁸ Там же С. 108—110.

⁹ Там же С. 110.

¹⁰ Там же С. 111—119.

¹¹ Толочко, А.П. Сибирский Азеф // Вестник Омского отделения Академии гуманитарных наук. — Омск, 1998. — № 3. — С. 112—114.

¹² Толочко, А.П. Сибирский Азеф ... С. 113.

¹³ Там же С. 114.

¹⁴ ГАОО. Ф. 270. Оп. 1. Д. 520. Л. 170.

¹⁵ Макачук, С.В. Омская организация РСДРП: Состояние нелегальной работы в 1910—1912 гг. // Вопросы историографии истории и археологии. — Омск, 1996. — С. 134—135.

¹⁶ ГАОО. Ф. 270. Оп. 1. Д. 60. Л. 1.

¹⁷ Россия 1913 год. Статистико-документальный справочник. — С.-П., 1995. — С. 319.

¹⁸ Макачук, С.В. Политическое подполье в восточных регионах России (июнь 1907 — февраль 1917 гг.): Состояние социал-демократических и внепартийных организаций. — Кемерово, 1994. — С. 79.

¹⁹ Валивач, М.М. Страницы из деятельности Барнаульской организации в первые годы нового революционного подъёма // Из истории Западной Сибири. — Вып. 1. — Кемерово, 1966. — С. 195—197.

²⁰ Там же С. 208.

²¹ Макачук, С.В. Политическое подполье в восточных регионах России ... С. 94.

²² ГАРФ. Ф. ДП. ОО. 1912. Д. 5. Ч. 80. Лит. Б. Л. 18.

²³ Макачук, С.В. Политическое подполье в восточных регионах России ... С. 86.

²⁴ ГАТО. Ф. 434. Оп. 1. Д. 2. Л. 4, 6.

²⁵ ГАТО. Ф. 434. Оп. 1. Д. 2. Л. 3, 6; Галунов А.И. Заметки о революционном прошлом Новосибирска. 1900—1912. Новосибирск, 1956. — С. 36.

²⁶ ГАОО. Ф. 270. Оп. 1. Д. 251. Л. 78.; Д. 315. Л. 27; ГАТО. Ф. 434. Оп. 1. Д. 2. Л. 3, 6.

²⁷ Хазиахметов, Э.Ш. Карательные учреждения Омска в борьбе с освободительным движением (1905—1917 гг.) // Проблемы историографии, источниковедения и исторического краеведения в вузовском курсе отечественной истории. — Омск, 1995. — С. 145.

²⁸ ГАОО. Ф. 270. Оп. 1. Д. 534. Л. 44.

²⁹ ЦДНИОО. Ф. 19. Оп. 1. Д. 118. Л. 1.

³⁰ Толочко, А.П. К истории эсеровских организаций в Сибири в годы нового революционного подъёма (1910—1914 гг.) // Экономические и социальные проблемы истории Сибири. — Томск, 1984. — С. 129—130.

³¹ Хазиахметов, Э.Ш. Сибирская политическая ссылка 1905—1917 гг. (облик, организации и революционные связи). — Томск, 1978. — С. 65.

³² ГАОО. Ф. 270. Оп. 1. Д. 396. Л. 253.

³³ Макачук, С.В. Политическое подполье в восточной регионах России ... С. 94.

ЦИНДИК Александр Александрович, кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных наук.

Статья поступила в редакцию 16.11.07 г.

© А. А. Циндик

ЗЕМСКИЕ СОБОРЫ (ИСТОРИОГРАФИЯ)

В статье рассматриваются проблемы отечественной историографии, связанные с изучением Земских соборов на протяжении почти 200 лет. В работе представлены взгляды В. О. Ключевского, Б. Н. Чичерина, С. О. Шмидта, М. Н. Тихомирова, Л. В. Черепнина и других российских историков на составы соборов, их решения и т. д.

Земский собор как объект исследования привлекал к себе пристальное внимание историков, юристов и литераторов с XIX в. Объяснялось это, скорее всего, тем, что проблема Земских соборов фокусировала в себе извечную проблему взаимоотношений власти и общества, соотношения интересов государства и народа в России. Вопросы возникновения, структуры, состава и значения Земских соборов для политического и экономического развития России разрабатывали в своих трудах такие историки, как С. А. Авалиани, В. Н. Латкин, Ю. В. Готье, С. Ф. Платонов, М. Н. Покровский, Н. Ф. Каптерев, В. О. Ключевский, Н. П. Лихачёв, В. К. Никольский, Н. Е. Носов. Другие историки, затрагивая широкую проблематику, раскрывали в своих исследованиях сущность Земских соборов, их место в политической системе Российского государства. Это известные учёные М. Н. Тихомиров, С. С. Иванов, Л. В. Черепнин, С. О. Шмидт.

Отечественную историографию Земских соборов можно разделить на три периода:

- 1) дореволюционная историография вопроса (до 1917 года);
- 2) историография советского периода (с 1917 года до конца 80-х годов XX в.);
- 3) историография периода «плюралистической интерпретации истории» (с конца 80-х годов XX в.).

Цель данной статьи — осветить в ретроспекции историографию Земских соборов с позиций сегодняшнего дня. Соответственно, задачами исследования являются: 1) изучить работы историков до 1917 года, исследования советского периода и современные наработки по проблематике Земских соборов середины XVI — конца XVII веков; 2) попытаться определить степень изученности обозначенной темы и выделить спорные утверждения и мнения. Материалом для изучения являются самые значительные работы отечественных историков и юристов.

Первая серьёзная волна интереса к Земским соборам поднимается в конце XIX — начале XX вв. Связано это было с либеральными реформами Александра II, с развитием земского движения, распространением идей ограничения самодержавия. Пристальное внимание «подогревалось политическими интересами, возбуждалось поисками идеалов государственного устройства, надеждами с помощью сословно-представительных учреждений изменить или, напротив, сохранить самодержавный строй»¹. Земский собор виделся как прообраз представительного учреждения, введение которого — залог дальнейшего развития государственного строя России.

Среди историков того периода непосредственно проблематику Земских соборов разрабатывали в сво-

их трудах В. Н. Латкин, Ю. В. Готье, С. Ф. Платонов, М. Н. Покровский, А. И. Заозерский² и другие. Под редакцией Ю. В. Готье в 1909 году были изданы «Акты, относящиеся к истории Земских соборов» — архивные материалы, позволяющие исследовать данную тематику.

Безусловно, Земские соборы не мог обойти своим вниманием известный российский историк В. О. Ключевский. Именно его взгляды стали общепризнанными в дореволюционной историографии рубежа XIX — XX веков и не подвергались критике. В своей обширной статье «Состав представительства на Земских соборах Древней Руси»³ В. О. Ключевский поставил и осветил ряд важнейших вопросов, связанных с Земскими соборами. Один из них — вопрос о составе и характере представительства на Земских соборах. В. О. Ключевский пришёл к выводу, что в XVI веке московская жизнь не знала ещё выборного представительства, что на соборах XVI века состав представительства определялся самим московским правительством. Иными словами, на соборах «было представительство по служебному положению, а не по общественному доверию»⁴. Мысль о выборном сословном представителе, уполномоченном представлять на соборе нужды и требования своих избирателей, по мнению В. О. Ключевского, выработалась лишь в период Смуты, в начале XVII века.

Другой проблемой для В. О. Ключевского было возникновение Земских соборов, обусловленность данного процесса различными факторами. Историк не связывал происхождение Земских соборов с социальными процессами, имевшими место в России второй половины XVI века: «земское представительство возникло у нас из потребностей государства, а не из усилий общества, явилось по призыву правителя, а не выработалось из жизни народа, наложено было на государственный порядок действием сверху, механически, а не выросло органически, как плод внутреннего развития общества»⁵. Исходя из этого и назвал Ключевский Земские соборы совещаниями царя со своими агентами.

В целом дореволюционная историография весомый вклад внесла в изучение фактической («внешней») истории Земских соборов: установлено время их созыва и работы, вопросы, которые на них решались, состав представительства. С этой целью историками были исследованы разнообразные материалы. Так, источниками, которыми пользовались историки при разработке «собора примирения» 1550 года, были материалы Стоглавого собора, Первое послание Ивана IV А. М. Курбскому, «История о великом князе Московском» А. М. Курбского, речи Ивана IV с лобного места, переданные в Хрущовской степенной кни-

ге (рукописной степенной книге XVII века, названной так по имени её владельца А. Ф. Хрущова — «конфидента» А. П. Волинского, казненного вместе с ним в 1740 году), приговоры о местничестве и другие. Причём из данных источников можно было лишь понять, что «собор примирения» имел место после Московского пожара июня 1547 года и находился с ним в какой-то связи. Это обстоятельство обусловило споры в исторической литературе о времени созыва «собора примирения». Его относили то к 1547, то к 1548, то к 1549, то к 1550 годам. И этот вопрос был не единственным спорным в историографии Земских соборов на рубеже XIX — XX веков.

В целом Земский собор признавался всеми российскими дореволюционными историками весьма ценным и полезным элементом московской государственности. Они подчеркивали, что власть часто и охотно прибегала к созыву соборов и высоко ставила «Совет всея земли». Они объясняли это тем, что соборы давали власти возможность точно узнать мнение и настроение общества, достичь уверенности, что принятое на соборе решение будет принято и исполнено всем обществом. Для земщины, по их мнению, собор был средством довести до власти свои жалобы, требования, желания достичь справедливости и порядка в своей жизни.

Дореволюционные историки сходились во мнении, что на собор население смотрело как на лучший орган, без которого нельзя было решать важные дела. Как средство общения власти с управляемыми, соборы, по их единодушному взгляду, сослужили Москве большую службу: московский государственный порядок был создан и укреплен после Смуты начала XVII века более всего авторитетом Земского собора.

Однако при огромном вкладе дореволюционных историков в разработку Земских соборов проявлялись в их исследованиях и относительная слабость изученности доступных источников, и освещение Земских соборов сквозь призму становления и укрепления самодержавия, и попытки сравнить Земские соборы Московской Руси с западными парламентами, используя представления о парламенте рубежа XIX — XX веков. Эти негативные стороны дореволюционных исследований в последующие годы критиковали советские историки.

В 20-е годы XX века уже в Советской России историки продолжили изучать проблематику Земских соборов. Свои работы конкретным Земским соборам XVII века посвящали Н. П. Лихачёв, Г. А. Замятин, В. К. Никольский⁶. Но в целом в 20 — 30-е годы накопленный исторической наукой материал по Земским соборам не обобщался, дореволюционные исторические концепции не пересматривались. В разработке истории Земских соборов наступила длительная пауза. Причина «исследовательского затишья» заключалась в сложных политических и идеологических процессах, протекавших в нашей стране в 30 — 40-е годы. С 1950 года появляются в СССР первые работы, в которых с уже утвердившихся марксистских позиций освещалась проблема сословно-представительных учреждений в России в XVI — XVII вв.

Начинается советский период в историографии Земских соборов. Господствующим в научном гуманитарном исследовании стал формационный подход, утверждавший решающую роль материального производства (экономики) в развитии общества. Политические и социальные явления трактовались как обуславливаемые экономическими процессами в обществе. Земские соборы стали рассматриваться в контексте развития феодализма, с одной стороны, и воз-

никновения и укрепления абсолютизма, с другой стороны. Акцент делался на антагонистических противоречиях феодального общества.

Государственное устройство России с середины XVI века до конца XVII века как сословно-представительную монархию первым охарактеризовал С. В. Юшков⁷ и указал на то, что «сословно-представительная монархия является переходной формой от раннефеодальной к абсолютной монархии»⁸. Он отмечал, что образование сословно-представительной монархии обусловлено внутренними экономическими и социальными процессами: дальнейшим развитием феодального хозяйства к середине XVI века, острой классовой борьбой, а также выдвижением в этот период на арену средних и мелких феодалов.

Первым советским исследованием, специально посвященным сословно-представительным учреждениям XVI века, стала статья академика М. Н. Тихомирова «Сословно-представительные учреждения (Земские соборы) в России XVI века».⁹ Автора интересовал не период расцвета соборной деятельности в первой половине XVII века, а время возникновения и первоначального развития Земских соборов во второй половине XVI века.

В своём исследовании М. Н. Тихомиров поставил вопрос: каким образом появилась форма сословно-представительного учреждения в России, откуда был взят образец для первого собора 1549 г.? И высказал убеждение, что прототипом Земских соборов явились церковно-земские соборы, подобные Стоглаву. А утвердилась данная форма, по его мнению, вследствие существования в России XVI в. прочной традиции сословного представительства.

В 1960 году вышла работа С. С. Иванова «Государство и право в период сословно-представительной монархии в России»¹⁰. Автор рассматривал процесс возникновения и сущность Земских соборов в контексте борьбы Ивана IV с реакционной частью боярства за укрепление центральной власти. По мнению Иванова С. С. Земский собор выступает не как законодательный, а как совещательный орган при царе. Правда, несмотря на то, что созыв Земского собора был для царей юридически не обязательным, но они фактически не могли обойтись без «Совета всея земли», так как нуждались в поддержке сословий при осуществлении важнейших мероприятий.

Продолжил изучение характера власти в России XVI — XVII веков академик Л. В. Черепнин. В своей статье «Земские соборы и утверждение абсолютизма в России»¹¹ он вывел мысль, что Земские соборы были средством классовой борьбы: правительство опиралось на них во время антифеодальных движений, сословия же и сословные группы с помощью Земских соборов стремились удовлетворить свои требования. В этой и других более поздних работах Л. В. Черепнина¹² четко видны основополагающие концепции марксистско-ленинской интерпретации истории, классовый подход к освещению исторического процесса, но в то же время он дал и полную для своего времени описательную картину Земских соборов XVI — XVII веков. В книге «Земские соборы русского государства в XVI — XVII вв.» он представил настоящую летопись Земских соборов. Материал изложен в виде очерков, каждый из которых посвящён определённому периоду в деятельности Земских соборов, содержит сложившиеся суждения, мнения и их верификацию с помощью разнообразных исторических источников.

В 60-е годы проблематику Земских соборов изучал С. О. Шмидт. В своей статье «Соборы середины

XVI века»¹³ он определил структуру и состав участников изучаемых им собраний: Боярская Дума (обычно полного состава), освященный собор (полный или неполный). И вслед за М. Н. Тихомировым он указал, что участие духовенства (освященного собора) и дало название этим собраниям — «собор», но добавил, что определение «освященный собор» в представлениях людей XVI века имело различное значение. «Данных об участии в соборах середины XVI в. посадского населения и крестьян не обнаружено», — констатировал С. О. Шмидт¹⁴, «что существенно отличает эти соборы от земских соборов XVII в.». Упомянув о системе представительства на соборах XVI в., Шмидт отметил, что участники данных собраний — выборные, а отборные служилые люди, а значит, о выборности речь не шла. К тому же участники соборов не пользовались равными правами.

В 1968 году выходит статья¹⁵ Павленко Н. И. «К истории Земских соборов XVI в.». В ней автор отметил необходимость изучения Земских соборов в широком плане, включающем в себя изучение процесса формирования сословий и процесса оформления соответствующего государственного устройства. Однако Павленко Н. И. посвятил статью проверке убедительности доказательств созыва соборов с 1540 по 1590 гг.

В том же 1968 году вышла «История государственных учреждений дореволюционной России» Н. П. Ерошкина¹⁶. Данная работа являлась учебным пособием для высшей школы. Автор раскрыл в ней марксистско-ленинскую теорию появления и развития государства и на её основе представил в эволюции государственные органы дореволюционной России как эксплуататорского государства. Причём Н. П. Ерошкин разделил понятия «государственные учреждения» (более узкое) и «государственные органы» (более широкое). «Органами государства в дореволюционной России были значительные группировки лиц (например, земские соборы XVI — XVII вв. — эпизодически созываемый правительством сословно-представительный орган)¹⁷...». Характеризуя далее Земские соборы, автор подтвердил идеи С. О. Шмидта, С. С. Иванова о том, что они их спецификой было то, что «Земские соборы не ограничивали, а укрепляли власть монарха, ... служили орудием укрепления самодержавия»¹⁸. Но Ерошкин И. Н. указывал, что само «появление Земских соборов означало установление в России сословно-представительной монархии, характерной для большинства западноевропейских государств»¹⁹.

В контексте политической и социальной истории России XVI в. прослеживается возникновение и деятельность первых Земских соборов в работе Н. Е. Носова «Становление сословно-представительных учреждений в России»²⁰. Автор провёл анализ Земской реформы Ивана IV 1551 — 1556 гг., её причин, характера и роли в социально-экономическом и политическом развитии страны, отметил как одно из влияний реформы — становление Земских соборов.

Статья Л. С. Адарчевой «Образование Земских соборов на Руси»²¹ также посвящена исследованию истоков появления сословно-представительных учреждений в российском государстве.

Осторожно подошел к оценке деятельности и роли Земских соборов А. Г. Кузьмин в своей статье «Первые попытки ограничения самодержавия в России»²². Характеризуя период конца XVI в. в России, он отмечал, что в то время лишь две силы реально могли претендовать на то, чтобы разделить власть с царём: церковь и феодальная аристократия. Церковь, одна-

ко, оказалась серьёзно ослаблена внутренней борьбой. А боярство и так было у власти. Реальные же попытки ограничить власть царя проявляются, как утверждал А. Г. Кузьмин, в начале XVII века.

Обзор советского периода исследований истории Земских соборов показывает, что наиболее глубоко изучены были обстановка зарождения Земских соборов в середине XVI в., процесс их становления, состав и структура, система отбора участников, обсуждаемые вопросы. Для этого был привлечён значительный объём разнообразных исторических источников, особенно по процессам, которые переживала Россия в XVI веке. Советские историки высказали идеи о разграничении характеристик Земских соборов XVI в. и Земских соборов XVII в. в силу очевидных отличий, однако они не были достаточно полно развиты.

Напротив, на соборы и XVI в. и XVII в. был распространён один термин — «сословно-представительные учреждения», что не совсем соответствует исторической действительности. Земские соборы времени правления первых Романовых оказались в тени. Также в советской историографии обозначились противоположные точки зрения на сущность и роль Земских соборов в политическом развитии Московской Руси, на характер взаимоотношений царя и «Собора всей земли». Не было подготовлено ни одной работы, охватывающей всю проблематику Земских соборов с середины XVI до конца XVII веков и дающей полную картину эволюции этих уникальных учреждений Московской Руси.

В последнее двадцатилетие Земские соборы освещаются обзорно, упоминаются в учебных пособиях по истории отечественного государства и права или в исследованиях обобщающего характера. Например, в работах Ю. А. Дмитриева и Е. Ю. Черкашина, И. П. Лейберова, Ю. Д. Марголис и Н. К. Юрковско-го²³ и других исследователей. Уникальность Земских соборов нашла отражение в работе митрополита Санкт-Петербургского и Ладужского Иоанна «Русь Соборная»²⁴.

Завершая краткий обзор историографии Земских соборов, можно сделать следующие выводы. Изучение политической истории России середины XVI — XVII вв. на протяжении последних ста лет испытывало влияние господствовавших в определённый период идеологических и научно-методических установок. Это приводило историков к выводам, которые сегодня выглядят неубедительными, неполными или вовсе необъективными. Так, характеристика в целом периода с середины XVI — XVII вв. в России как сословно-представительной монархии появилась лишь в работах советских историков в 60-е годы XX века (С. В. Юшков, М. Н. Тихомиров и др.). Но другой историк — «шестидесятник» С. О. Шмидт в применении такой категорической характеристики был очень осторожен, указывая на необходимость тщательного анализа и интерпретации исторических источников.

Нет однозначности в раскрытии важнейшего института сословно-представительной монархии — Земского собора, реально существовавшего более века. Налицо спорные взгляды В. О. Ключевского, с одной стороны, и советских историков С. В. Юшкова, М. Н. Тихомирова, С. О. Шмидта, с другой стороны, на причинность возникновения Земских соборов. В. О. Ключевский видел их появление как продукт творчества государственной власти в России. А советские историки отстаивали идею «вызревания» Земских соборов под воздействием экономических и социальных процессов.

Исходя из своих убеждений, историки по-разному трактовали роль и значение Земских соборов: одни — как инструмент информационной связи центра и «земли» (В. О. Ключевский), другие — как орган, эволюционировавший от совещательного при царе в середине XVI века к представительному с разнообразными функциями в первой половине XVII века (С. В. Юшков, М. Н. Тихомиров, Л. В. Черепнин, Н. П. Ерошкин, А. Г. Кузьмин, Л. С. Адарчева и другие).

Сегодня очень важно более точно выявить и объективно оценить опыт деятельности Земских соборов для его всестороннего осмысления. Ведь это опыт строительства фундамента нашего современного государства. Опыт, который породил определённые исторические традиции в политической культуре нашей страны, стал частью менталитета российского гражданина.

Примечания

- ¹ Шмидт, С.О. Соборы середины XVI века // История СССР. — 1960. — № 4. — С. 66—92.
- ² Латкин, В.Н. Земские соборы древней Руси, их история и организация сравнительно с западноевропейскими представительными учреждениями. — СПб, 1885.
- Готье, Ю.В. Первые Земские соборы и их происхождение // Научное слово. — 1903. — № 3.
- Платонов, С.Ф. К истории Московских земских соборов. — СПб, 1905.
- Покровский, М.Н. Земские соборы и парламент // Конституционное государство. — СПб, 1905.
- Заозерский, А.И. К вопросу о составе и значении земских соборов // ЖМНП, 1909. — № 6.
- ³ История России. Статьи / Ключевский В.О. — М.: ООО «Изд-во Астрель»: ООО Изд-во АСТ, 2003.
- ⁴ Там же, С. 378.
- ⁵ Там же, С. 380.
- ⁶ Замятин, Г.А. Два документа к истории Земского собора 1616 года // Труды Воронежского государственного университета, т. 1. — 1925. — С. 229—310.
- Замятин, Г.А. К истории Земского собора 1613 года // Труды Воронежского государственного университета. — Т. 3. — 1926. — С. 1—74.
- Лихачев, Н.П. Новые данные о Земском соборе 1616 года // Русский исторический журнал. Кн. 3 — Пг. — 1922. — С. 62—87.
- Никольский, В.К. Земский собор о вечном мире с Польшей 1653—1654 гг. — М., 1928.
- ⁷ Юшков, С.В. К вопросу о сословно-представительной монархии в России // Советское государство и право. — 1950. — № 10. — С. 38—51.

⁸ Там же, С. 41

⁹ Тихомиров, М.Н. Сословно-представительные учреждения (Земские соборы) в России XVI века // Вопросы истории. — 1958. — № 5. — С. 3—22.

¹⁰ Иванов, С.С. Государство и право в период сословно-представительной монархии в России. — М., 1960.

¹¹ Черепнин, Л.В. Земские соборы и утверждение абсолютизма в России. // Сб. Абсолютизм в России (XVII—XVIII вв.). — М., 1964. — С. 92—133.

¹² Черепнин, Л.В. Некоторые вопросы истории докапиталистических формаций. // Коммунист. — 1975. — № 1; Черепнин, Л.В. Земские соборы Русского государства в XVI—XVII вв. — М., 1978.

¹³ Шмидт, С.О. Соборы середины XVI века. // История СССР. — 1960. — № 4. — С. 66—92.

¹⁴ Там же, С. 86.

¹⁵ Павленко, Н.И. К истории Земских соборов в XVI в. // Вопросы истории. — 1968. — № 5.

¹⁶ Ерошкин, Н.П. История государственных учреждений до-революционной России. — М.: Издательство «Высшая школа», 1968.

¹⁷ Там же, С. 4.

¹⁸ Там же, С. 36.

¹⁹ Там же, С. 36.

²⁰ Носов, Н.Е. Становление сословно-представительных учреждений в России. — Л.: «Наука», 1969.

²¹ Адарчева, Л.С. Образование Земских соборов на Руси // Вестник Моск. университета. Серия «Право». — 1977. — № 6. — С. 85—89.

²² Кузьмин, А.Г. Первые попытки ограничения самодержавия в России // Советское государство и право. — 1980. — № 7. — С. 81—90.

²³ Дмитриев, Ю.А. Законодательные органы России от Новгородского веча до Федерального собрания (Сложный путь от традиции к цивилизации) / Ю.А. Дмитриев, Е.Ю. Черкашин. — М.: Манускрипт, 1994. — 103 с.

Лейберов, И.П., Марголис Ю.Д., Юрковский Н.К. Традиции демократии и либерализма в России // Вопросы истории. — 1996. — № 2. — С. 3—14.

²⁴ Митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский Иоанн. Русь соборная. Очерки христианской государственности. — СПб: Издательство «Царское дело», 1995. — 248

МОРОВА Ольга Викторовна, старший преподаватель кафедры истории.

Статья поступила в редакцию 27.02.08 г.

© О. В. Морова

Книжная полка

Голиков, А. Г. Источниковедение отечественной истории [Текст]: учеб. пособие для вузов по специальности 030401 «История» и направления подгот. 030400 «История» / А. Г. Голиков, Т. А. Круглова; под ред. А. Г. Голикова. — М.: Академия, 2007. — 460, [1] с. — (Высшее профессиональное образование). — Библиогр. в середине кн. — ISBN 978-5-7695-3883-4.

Пособие знакомит читателя с основными видами письменных источников по отечественной истории X — начала XXI в.: летописями, законодательными и частными актами, документами делопроизводства, статистическими источниками, материалами личного происхождения, периодической печатью. Читатель найдет в книге систематический обзор важнейших комплексов письменных исторических источников; проследит эволюцию этих источников; ознакомится с конкретными приемами выявления, обработки и анализа зафиксированной в них информации.

Для студентов вузов и преподавателей.

ПРИСВАИВАЮЩИЕ ОТРАСЛИ ТРАДИЦИОННОГО ХОЗЯЙСТВА БАРАБИНСКИХ ТАТАР

В результате исследования выявлены структура присваивающих отраслей хозяйства барабинских татар, локальные особенности их хозяйственного комплекса и изменения в присваивающем хозяйстве на протяжении второй половины XIX — первой трети XX вв. Установлена обусловленность компонентов присваивающего хозяйства барабинских татар природными условиями Барабинской лесостепи.

Барабинские татары представляют собой этническую группу сибирских татар, территория расселения которой ограничена северными и центральными районами Новосибирской области. Одним из наиболее архаичных компонентов традиционной культуры барабинских татар являются присваивающие отрасли хозяйства — рыболовство, охота и собирательство. Научное исследование перечисленных культурных комплексов может способствовать выявлению этнокультурных и этногенетических связей барабинских татар и, тем самым, решению важных проблем их этнической истории. Интерес к изучению присваивающего хозяйства барабинских татар усиливается существенными сдвигами в их хозяйственной практике, которые произошли в постперестроечный период и выразились в возрождении присваивающих отраслей, вновь ставших для значительной части барабинцев основой жизнеобеспечения.

Объектом настоящего исследования выступают присваивающие отрасли традиционного хозяйства барабинских татар во второй половине XIX — первой трети XX вв. Цель работы — выявить логику функционирования присваивающих отраслей хозяйства барабинских татар на протяжении указанного периода. Для достижения поставленной цели предполагается решить следующие задачи: 1) выявить структуру рыболовства, охоты и собирательства (включая объекты промысла, способы их добычи, социальную организацию занятий и направления использования продукции); 2) определить локальные особенности в занятиях рыболовством, охотой и собирательством; 3) выявить изменения в перечисленных занятиях на протяжении второй половины XIX — первой трети XX вв. Для решения поставленных целей и задач использовались следующие группы источников: 1) полевые материалы, собранные в ходе этнографических экспедиций Томского и Омского госуниверситетов и Омского филиала Института археологии и этнографии СО РАН в 1971 — 2007 гг.; 2) статистические документы XIX в., хранящиеся в Государственном архиве Томской области; 3) периодическая печать второй половины XIX в.

Традиционное хозяйство барабинских татар представляло собой сложный синтез присваивающих и производящих отраслей, состоявших из рыболовства, охоты, собирательства и скотоводства (роль земледелия была незначительна). Традиционный хозяйственный комплекс барабинских татар характеризовался двумя главными особенностями: 1) при-

мерно равным значением производящих и присваивающих отраслей хозяйства; 2) локальными различиями, связанными с особенностями природных условий.

Природные условия Барабинской лесостепи открывали для аборигенного населения широкие возможности для ведения присваивающего хозяйства. На территории лесостепи насчитывается свыше 2500 озер, в северо-западной части Барабы сосредоточены ее крупнейшие водные артерии — реки Тара, Майзас, Ича, Тартас и Омь [2]. На протяжении рассматриваемого периода большую часть северной Барабы покрывали хвойные леса, средняя часть лесостепи изобиловала лиственными лесами. Переходный природный характер Барабы предопределил большое разнообразие ее животного и растительного миров, ибо на территории лесостепи сосуществовали виды животных и растений, характерные и для лесной, и для степной зон.

Рыболовство является одним из наиболее архаичных комплексов в культуре барабинских татар. Исследователи, датирующие завершение складывания этноса барабинских татар XIV в., отмечают у них развитие рыболовства в эпоху позднего средневековья [1]. Произведенный в литературе лингвистический анализ обнаруживает широкие аналогии терминологии рыболовства барабинских татар в языках тюркской языковой семьи, что позволяет говорить о единстве процесса генезиса этого вида присваивающего хозяйства [3]. В XIX — первой трети XX вв. ведущую роль в хозяйственном комплексе барабинских татар играло занятие озерным рыболовством. Речное рыболовство имело существенное значение лишь в хозяйстве северо-западных группировок барабинских татар, поскольку именно на их территории расселения протекали значительные речные артерии. На большей части территории расселения барабинских татар, характеризующейся обилием мелких озер и иногда рек, главными объектами лова выступали желтый карась, окунь и щука. В районе крупных озер (Убинское, Сартлан, Чаны) большое значение для барабинских татар имела добыча иных пород рыбы (язь, линь, налим).

Общей чертой в рыбопромысловых циклах разных локальных групп барабинских татар была высокая роль запорного рыболовства. Рыболовные запоры устраивались как на реках, так и на озерах. Главными средствами лова на мелких реках и озерах в течение всего года выступали котцы (*юйзе/еосе*) и сети (*ау*), параллельно с ними использовались морды

и вентери (фитили). Промысел неводами (елон) осуществляли на реках во время их разлигов весной. В период нереста осуществлялась добыча рыбы острогами. Специфическим способом лова щуки в верховьях рек Оми, Тартаса и Тары был ее лов блесной.

Рыбный промысел на крупных озерах Чаны, Сартлан, Убинское отличал высокий удельный вес неводов среди используемых орудий лова. Наряду с неводным ловом, в районах крупных озер широко использовали весной котцы, а летом сети. В период нереста активно осуществлялось лечение рыбы с использованием остроги, а зимой рыбу ловили самоловами и удами. Известно, что в середине и второй половине XX в. на озере Сартлан барабинские татары осуществляли промысел щуки петлями; вероятно, такой способ рыбной ловли существовал здесь и в более раннее время.

При добыче рыбы на мелких реках и озерах преобладала индивидуальная форма труда. Кооперацию усилий периодически производили при некоторых приемах лова (неводьба весной при разливах рек) или для выполнения относительно трудоемких операций по перегораживанию рек весной и осенью. В остальном практика рыбного промысла (пассивный его характер, сводящий роль индивида к проверке котцов, сетей, морд и т.) позволяла использовать индивидуальный труд. Неводный промысел на Чанах, Сартлане, Убинском озере обусловил здесь больший удельный вес коллективных приемов лова. Так, на Сартлане рыбаки организовывали артели, которые являлись собственниками неводов [2]. Однако и в этих районах коллективный труд сочетался с индивидуальным в форме сетевого, котцового или иного промысла.

Основную часть рыбы, добываемой на небольшого размера реках и озерах, барабинские татары использовали в пищу. В то же время массовый лов рыбы весной и осенью при перегораживании рек открывал возможность выделять часть добытой рыбы на обмен: у соседей, — русских, поволжско-приуральских татар, — татары выменивали хлеб, одежду, ткани («товар»). Несколько иначе обстояло дело на крупных озерах. Видимо, здесь главную долю добытой рыбы татары сдавали скупщикам, купцам. Пойманную здесь рыбу солили, сушили, зимой замораживали и в таком виде развозили далеко на запад и восток.

Таким образом, среди барабинских татар налицо различные рыбопромысловые циклы, многообразие средств и приемов промыслов, разные направления использования продукции. Рыболовство барабинцев во второй половине XIX — первой трети XX вв. не представляло собой единого универсального комплекса на всей территории их расселения. Можно выделить два типа рыболовства барабинских татар в XIX — начале XX вв.:

1. Запорно-сетевой, традиционный для барабинских татар районов мелких рек и озер. Рыбопромысловый цикл этого типа состоял из весенне-осеннего запорного лова, круглогодичного (преимущественно весенне-осеннего) промысла сетями, котцами, сетными и плетеными ловушками. Продукцию рыболовства барабинские татары использовали в основном для собственного потребления, выделяя на обмен незначительную ее часть.

2. Неводно-запорный, сложившийся на крупных озерах с песчаным дном в юго-западной части Барабы (Чаны, Сартлан) и на Убинском озере. Этот тип был основан на осенне-зимне-весеннем неводном и весенне-осеннем запорном промысле. Помимо натурального использования продукции рыболовства в хо-

зяйствах барабинских татар, существенная часть выловленной в этот период рыбы имела товарное значение.

Различия в рыболовной практике разных групп барабинских татар были обусловлены локальными особенностями основных промысловых пространств Барабы, — озер. Крупные озера Убинское, Чаны, Сартлан открывали более широкие возможности для ведения рыбного промысла, по сравнению с небольшими озерами, в силу ряда причин: 1) крупные озера обладали значительно большими в количественном отношении рыбными запасами, что увеличивало выгодность массового лова рыбы и окупало использование дорогостоящих неводов; 2) крупные озера, в отличие от мелких, имели огромные пространства плесовой, открытой, свободной от камыша воды, необходимые для использования неводов; 3) крупные озера были близко окружены множеством мелких озер (полоев, отгогов), которые, соединялись с ними естественными промоинами или искусственными копанцами, открывавшими широкие возможности для строительства на них запоров.

По данным археологии, в XIV — XVI вв. охота, уступая скотоводству, занимала второе место по значимости в экономике барабинских татар [1]. В середине XIX в. для татар Томской губернии звероловство продолжало составлять одно из главных занятий. Однако во второй половине XIX — первой трети XX столетий охота играла неодинаковую роль в хозяйстве разных локальных групп барабинских татар. У населения северной Барабы охота была одним из самых главных и выгодных промыслов, на юге ее роль была менее значительна, что связано с особенностями природной среды [4]. В промысловой практике преобладали традиционные орудия охоты: березовые дубины, пети, плашки, черканы, кляшцы. В то же время, в конце XIX — первой трети XX вв. в орудийной базе охоты барабинских татар происходили изменения, связанные с увеличением удельного веса орудий охоты, заимствованных татарами у русских: капканов и, в меньшей степени, ружей. Функциональная неоднородность продуктов охоты позволяет выделить в рассматриваемый период несколько направлений этого промысла: добычу копытных, добычу пушного зверя и добычу дичи и мелкого зверя.

Охота на крупных копытных включала в себя промысел лося и косули. Наиболее распространенным и продуктивным был загонный промысел лося и косули ранней весной по насту (*чарьму*): в таежных и лесостепных районах Барабы загон лося и косули производился на лыжах, а орудиями охоты при этом выступали ножи (*пшак*) и ружья.

Объектами пушной охоты барабинских татар во второй половине XIX — первой трети XX вв. являлись лисица, волк, горностай, колонок, хорь, медведь, а в таежной полосе также белка. В пушной охоте барабинских татар можно выделить три направления, приняв за критерий разграничения преобладающие приемы охоты: 1) охота на волков и лисиц (коллективная конная охота с использованием деревянных дубин *чукмар*, установка капканов); 2) охота на мелкого пушного зверя (промысел деревянными ловушками давящего типа, петлями и капканами); 3) охота на медведя.

Промысел водоплавающей дичи (утки, гуся и др.), боровой дичи (тетерева, рябчика), а также куропатки и зайца являлся неотъемлемой частью хозяйственного комплекса коренного тюркоязычного населения Барабы. В общем виде эти занятия подразделялись на весенне-летне-осенний промысел водоплавающей

дичи и осенне-зимне-весеннюю охоту на боровую дичь, куропатку и зайца. Уток добывали при помощи установок пленок или ружьями. Для ловли боровой дичи и зайца барабинские татары вырывали ловчие ямы или устанавливали петли. Отличительной чертой в охоте южных групп барабинских татар был промысел гагары, который имел товарное значение.

В рассматриваемый период были распространены два вида охоты барабинцев — индивидуальная и коллективная (артельная). Артели барабинских татар образовывались по нескольким принципам: 1) объединения из жителей одного аула; 2) объединения из жителей нескольких соседних деревень.

Охота на крупных копытных играла большую роль в обеспечении барабинских татар мясом и в получении сырья для изготовления хозяйственного инвентаря и утвари. Главной целью охоты на волков, лисиц и мелкого пушного зверя была добыча ценных шкур, которые составляли основу обменного фонда барабинских татар. Продукция промысла мелкого зверя и дичи являлась для барабинских татар дополнительным источником пищеобеспечения, но в основном имела товарное значение: осенью и зимой сбыт тетерева, куропатки, рябчика, гуся служил немаловажным источником дохода для аборигенов Барабы.

Собирательство играло вспомогательную роль в хозяйстве барабинских татар. Значение собирательства состояло в том, что оно, во-первых, вносило необходимый растительный компонент в преимущественно рыбно-мясной рацион питания барабинских татар и, во-вторых, доставляло им необходимое сырье для изготовления предметов материальной культуры.

Основными объектами собирательства барабинских татар в рассматриваемый период были ягоды (клубника, земляника, черная смородина, малина, костяника, калина, голубика, брусника, клюква, черемуха, морошка) и дикорастущие травы и корни (дягиль, борщевик, щавель, крапива, кандык, дикий лук, сарана). Для заваривания напитков барабинские татары производили сбор лабазника, душицы, листьев смородины и земляники. Северные барабинские татары занимались кедровым промыслом. Для сбора ягод барабинцы использовали берестяные туесы, лукошки, а также корзины из лыка.

Продукты собирательства потреблялись барабинскими татарами преимущественно натурально. Дикорастущие ягоды, травы, корни, листья шли в пищу, а также использовались в качестве лекарственных средств. В то же время часть продукции собирательства имела товарное значение.

В силу ряда причин занятия собирательством играли более важную роль в жизни северных барабинцев. Во-первых, они проживали в полосе Барабы, богатой урманом, болотами и рьями, что открывало возможности для сбора таких ценных продуктов как брусника, клюква и кедровый орех. Во-вторых, ценность собирательства в северной полосе Барабы возрастала вследствие отсутствия удобных для земледелия почв, неразвитости земледелия. Фактически этот вид деятельности служил для местного населения единственным источником растительного компонента.

Подводя итог, отметим, что одной из наиболее характерных, важных особенностей хозяйственного комплекса барабинских татар была его гибкость, динамичность. Во второй половине XIX — первой трети XX вв. хозяйство барабинских татар носило комплексный характер, представляя собой сложное сочетание производящих и присваивающих отраслей. Соотношение отраслей хозяйства у разных локальных

групп барабинских татар отличалось и зависело от конкретных природных условий. Уникальная плотность в расположении озер на территории Барабы, ее высокая обводненность обусловили особенно важное значение рыболовства в структуре хозяйства всех локальных группировок барабинских татар. В отличие от рыболовства, охота и собирательство играли наибольшую роль в хозяйстве северных барабинцев, населявших наиболее залесенную, наиболее богатую зверем и ягодой часть Барабы; при продвижении на юг лесостепи роль охоты постепенно падала, в силу сокращения в этом направлении лесного массива. Динамичность хозяйственного комплекса барабинских проявлялась также в том, что в «летний» период года (он продолжался от времени вскрытия озер и рек до времени их замерзания) в хозяйстве всех групп барабинских татар повышался удельный вес рыболовства, а в «зимний» период (время, когда озера и реки находились подо льдом) — возрастал удельный вес охоты.

Локальные различия фиксируются не только в соотношении отраслей хозяйства барабинских татар, но и в их конкретном культурном содержании. Так, в силу природных особенностей важнейшими средствами рыбной ловли на крупных озерах Барабы выступали запоры и неводы, на мелких — сети, котцы, сетные и плетеные ловушки. Если у северных барабинцев коллективные и индивидуальные формы звериного промысла имели примерно равное значение, то у южных барабинцев в силу удаленности границы урмана преобладала индивидуальная организация охоты. В хозяйственной практике у северных барабинцев преимущественно использовались подшитые лыжи, а у южных — лыжи-голицы. Для удовлетворения своих потребностей во время длительного зимнего звериного промысла в урмане северные барабинцы строили в лесах охотничьи избышки; промысловая территория южных барабинцев вплотную примыкала к местам их постоянного проживания, что снижало потребность в сооружении временных промысловых жилищ и вело к меньшему их распространению.

В целом орудия охоты и рыболовства барабинских татар обнаруживают принципиальное сходство с таковыми у других народов Западной Сибири, к которым относятся другие группы сибирских татар, ханты, манси, селькупы, ненцы, алтайцы. С этой точки зрения можно говорить о своеобразном хозяйственно-культурном континууме на территории Западной Сибири, который характеризовался типологической однородностью орудийной базы присваивающего хозяйства с локальными специфическими особенностями, обусловленными спецификой строительного сырья и объектов промысла.

На протяжении XIX — первой трети XX вв. в хозяйственном комплексе барабинских татар происходят изменения, которые в общем виде сводятся к снижению эффективности присваивающих отраслей и возрастанию роли производящих отраслей экономики. Эти изменения могут быть объяснены рядом факторов:

1. Сокращение животных ресурсов Барабинской лесостепи. Усиление притока переселенцев русских и поволжско-приуральских татар (с конца XIX в.) привело к возрастанию товарности рыболовства, охоты и собирательства барабинских татар, которые выменивали на продукцию этих отраслей продукты питания (прежде всего, муку и сахар), ткани для пошива одежды, орудия охоты (ружья, порох) и другие предметы. Рост товарности присваивающих отрас-

лей хозяйства барабинских татар выражался в увеличении объемов охоты и рыболовства и, соответственно, сокращении числа представителей местной фауны. Процесс сокращения животных ресурсов Барабы ускорился увеличением плотности населения лесостепи. С одной стороны, переселенцы русские и поволжско-приуральские татары так же, как барабинцы, активно занимались рыбным и звериным промыслом. С другой стороны, потребности пришлого населения в строительном материале и топливе, организация степных и лесных палов для улучшения кормовых свойств трав приводили к стремительному сокращению лесного массива Барабы, служившего основным пространством для звериного промысла местного населения. В свою очередь, обмеление и усыхание озер и болот Барабы, отмечавшееся в XIX в., являлось дополнительным фактором сокращения рыбных запасов региона.

2. Увеличение количества земель, годных для заготовки сена и занятия земледелием. Причиной этого процесса было сокращение площади лесов, болот и озер Барабы. В силу высокой заболоченности и обводненности Барабы занятие земледелием с давних пор было возможно на весьма ограниченном пространстве лесостепи, преимущественно на ее гривных участках. На протяжении XIX в. многие озера, занимавшие пространства между гривами, заболачивались или высыхали, превращаясь в займища и аллапы, способные производить кормовые травы или лаки.

Резкое падение роли присваивающих отраслей хозяйства барабинских татар приходится на 1930-е гг. В этот период на территории Барабинской лесостепи утверждается система коллективного хозяйствования, и основная трудовая деятельность барабинских татар начинает осуществляться в рамках колхозов и совхозов. Рабочий ритм в организованных хозяйствах не учитывал специфики промысловых циклов рыболовства, охоты и собирательства, и люди, занятые на работе в колхозе или совхозе, в большей части утрачивали возможность заниматься звериным или рыбным промыслом. Кроме того, в советский период занятость родителей в колхозе и детей в школе в определенном смысле разрывала связь между поколениями барабинских татар, при которой мальчики могли бы осваивать традиционный опыт природопользования, включившись в промысловую деятельность старших. Дальнейшие ступени социализации, такие как служба в армии, получение специального образования, также затрудняли приобщение нового поколения к традиционному хозяйственно-культурному укладу. В результате в годы советской власти происходит резкое падение роли охоты и рыболовства в хозяйстве барабинских татар, причем этот процесс сопровождался постепенным вытеснением из культуры барабинцев тех ее элементов, которые были связаны с присваивающими отраслями: подшитых лыж и лыж-голиц, лодок-долбленок, земляных жилищ и др.

Однако и после разрушения традиционного хозяйственного комплекса как универсальной системы хозяйствования барабинских татар многие его элементы продолжили функционировать в новых условиях. Так, в годы советской власти на территории Барабы были организованы многочисленные охотничьи и рыболовецкие хозяйства, в которых существенную долю штатных охотников и рыбаков составляли именно барабинские татары, как правило, использовавшие в профессиональной практике традиционные приемы хозяйственной деятельности. Кроме того, после распада СССР, в условиях последовавшего за ним глобального кризиса российской экономики, когда была разрушена система коллективного хозяйства, стали возрождаться утратившие свое бывшее значение охота, рыболовство и собирательство, которые для многих барабинских татар вновь стали составлять основу жизнеобеспечения. Сохранение и возрождение многих элементов присваивающего хозяйства свидетельствует о гибкости, высокой адаптивной способности традиционного хозяйственного комплекса барабинских татар.

В целом, традиционный хозяйственный комплекс, сформированный у барабинских татар, соответствовал природным условиям Барабинской лесостепи, был эффективным средством адаптации этнической общности к естественной среде обитания. Вслед за природными изменениями в Барабе происходили изменения в хозяйственной практике барабинцев, позволявшие приспособиться к новым экологическим условиям. Эффективность и экологическая обусловленность хозяйственной деятельности барабинских татар позволяет использовать опыт их традиционного природопользования для экологического освоения лесостепной зоны Западной Сибири на современном этапе.

Библиографический список

1. Молодин В.И. Бараба в эпоху позднего средневековья / В.И. Молодин, В.И. Соболев, А.И. Соловьев. — Новосибирск: Наука, 1990. — 262 с.
2. Мягков Д.А. Приемы рыбного лова барабинских татар в XIX — первой трети XX века / Д.А. Мягков // Интеграция археологических и этнографических исследований. — Одесса; Омск, 2007. — С. 314-317.
3. Селезнев А.Г. Мир таежных культур юга Сибири: (Традиционное хозяйство и сопутствующие компоненты жизнедеятельности) / А.Г. Селезнев, И.А. Селезнева, Е.А. Бельгибаев — Омск: «Издательский дом "Наука"», 2006. — 260 с.
4. Томилов Н. А. Проблемы этнической истории: (По материалам Западной Сибири) / Н.А. Томилов. — Томск: Изд-во Томского ун-та, 1993. — 220 с.

МЯГКОВ Денис Александрович, аспирант сектора этнографии.

Статья поступила в редакцию 04.03.08 г.

© Д. А. Мягков

НАЧАЛО БАЙКАЛЬСКОГО АГРАРНОГО СТРАХОВАНИЯ: ДОСТИЖЕНИЯ, ПРОБЛЕМЫ И ТЕНДЕНЦИИ

Рассмотрена история организации и становления страховых структур в Байкальском регионе. Показан процесс создания системы аграрного страхования в Сибири в 1920-е гг. Проанализированы изменения в структуре организации страховых органов и кадровая политика местных властей в связи с районированием Сибирского края.

Кризисное состояние российского сельского хозяйства, заставляет активно искать способы его восстановления. Логика научного поиска требует в первую очередь рассмотреть всю совокупность исторических моделей его существования. Сельское хозяйство представляет собой не только отрасль народного хозяйства, но и сложный исторический социально-экономический феномен, существующий в неразрывной связи с другими процессами, развивающимися в стране. Как это ни парадоксально для ряда исследователей, но советская модель сельского хозяйства включала в себя и весьма перспективные и национально обоснованные элементы.

Одним из наиболее успешных достижений советской власти была организация аграрного страхования, не имеющая аналогов как по широте распространения, глубине охвата, так и разнообразия форм страховой защиты. Особенно эффективно она функционировала в районах рискованного земледелия, к которым относится Сибирь. Данная работа посвящена созданию института, обеспечивавшего страховую защиту аграрного производства в Байкальском регионе в 1920-е годы.

Организационные основы государственного страхования в СССР были заложены декретами советской власти. В 1918 г. установлена государственная страховая монополия, т.е. исключительное право государства на проведение страховых операций. В 1921 г. создан специально уполномоченный орган государства — Госстрах для проведения в жизнь принцип государственной страховой монополии. Система страховых операций, которые поручено проводить Госстраху, получила обобщенное название «государственного страхования».

В соответствии с декретом от 6 октября 1921 г. создаются организационные формы страхования, соответствовавшие производственным отношениям переходной экономики. Исходным моментом работы Госстраха стало приближение страхового дела к потребностям населения, главным образом многомиллионной крестьянской массы. Формы и методы страховой работы на селе учитывали характер развития крестьянского хозяйства в переходный период. Принцип централизации страхового дела сочетался с инициативой местных органов. Согласно ст. 7 декрета в составе Наркомфина было организовано Главное управление государственного страхования (на правах управления НКФ). В его распоряжение пере-

давались аппараты бывших страховых отделов ВСНХ. Главному управлению государственного страхования предоставлялось право по согласованию с губернскими исполнительными комитетами определять сроки для введения обязательного страхования. Оно осуществлялось на территории страны постепенно, там, где местные органы власти считали это необходимым¹.

На местах создавались страховые подотделы финансовых отделов местных исполкомов Советов, работавшие под общим руководством и контролем Главного управления государственного страхования. В декабре 1921 г. на основании инструкции об организации страхового дела страховые подотделы губфинотделов преобразованы в губернские управления госстрахования (губстрах)².

В соответствии с решениями правительства в Иркутске с конца 1921 г. приступили к организации государственного страхования. Партийные и советские органы, старались обеспечить принцип партийного руководства профессионалами, привлекая дореволюционных специалистов. Работа продвигалась с трудом, так как последних было немного, а классовый подход — определяющим. 17 октября 1922 г. президиум Иркутского губкома РКП(б) под председательством секретаря М. Левитина утвердил начальником управления Иркутского губстраха Бесеневича. Несмотря на тогдашнюю непрерывную кадровую «чехарду», существовавшую в советских и партийных органах, Бесеневич на этой должности задержался. В феврале 1923 г. он отбыл в должностную командировку в Новониколаевск, а затем в Москву. Из таких командировок зачастую не возвращались, а, попав в резерв, направлялись в горячие точки советского административного строительства. Однако Бесеневич из столицы вернулся и 31 марта 1923 г. отчитался о своей поездке на президиуме Иркутского губкома³.

Процесс развития сельхозстрахования в Иркутской губернии развивался медленно. Причин этому было немало. Прежде всего, неукорененность сельхозстрахования в практику аграрной жизни региона и вытекавшее из этого недоверчиво-отрицательное отношение к нему в среде сельских жителей и руководства местных и губернских органов власти. Сказывался дефицит кадров, невнятность государственной политики в вопросах страхового строительства, слабая транспортная инфраструктура и отсутствие

быстрой связи. И, тем не менее, процесс создания страхового поля развивался. В 1924 г. в связи с районированием губерний с 1 октября перераспределены агентские страховые участки⁴. Руководство государственным страхованием осуществлялось губернской конторой располагавшейся в Иркутске и подчинявшейся напрямую Росгосстраху.

Когда в 1924 г. Бесеневича на посту заведующего Иркутским губстрахом сменил З. А. Шастин, в управлении по штату числилось 26 сотрудников. Ключевыми фигурами были зам. управляющего Н. Г. Колчин, ст. бухгалтер М. П. Бугоевский (с 1 марта 1925 г. — зав. фин.-счет. отделения), заведомо страхования посевов В. К. Антоневиц, заведующий операционным отделом Я. А. Грабовский. Работали в управлении в этот период преимущественно мужчины⁵.

В правительстве организации страхования придавали большое значение и ориентировали местные органы власти на быстрое, полное и качественное формирование страховых структур. З. А. Шастин с этой работой в основном справлялся, о чем свидетельствует решение президиума Иркутского губкома (7 авг. 1924 г.), рассмотревшего вопрос «О работе Госстраха» и признавшего деятельность Госстраха в связи с пополнением аппарата — удовлетворительной. Для повышения объективности и эффективности кадровых перестановок в стране вводилась практика утверждения служебных характеристик. В соответствии с распоряжением Главного правления Госстраха от 26 ноября 1923 г. в Иркутском Губстрахе 15 октября 1924 г. создана Спецкомиссия под председательством замуправгубстраха И. Г. Колчина. В ее состав приказом Шастина включены заведующие отделами, председатель месткома и секретарь партийной⁶.

Процесс формирования трудового коллектива Иркутской конторы Госстраха не останавливался никогда, что было обусловлено как общим характером тогдашней политической жизни, так и дефицитом грамотных и ответственных кадров в глубинке, которой являлся Иркутск. Усложняющим фактором являлось постоянное расширение работы и штатов губстраха. С 15 мая 1925 г. Иркутской конторе Правлением Росгосстраха утверждены штаты уже в количестве 32 сотрудников. Продолжала совершенствоваться сообразно решаемым задачам и ее структура. В мае 1925 г. в ней действовали общий (зав. Ф. С. Колягинский), операционный (В. И. Челышев), огневого (Н. Г. Колчин), личного, сельскохозяйственного (В. К. Антоневиц) страхования отделы и финансово-счетное отделение (М. П. Бугаевский).

Учитывая, что специалистов соответствующего профиля и квалификации в Иркутске не существовало, приходилось перебирать десятки кандидатов, перебрасывать их с места на место. Об этом свидетельствуют формулировки приказов Шастина. В частности 18 октября 1924 г. делопроизводитель сельскохозяйственного отдела М. И. Оношко и делопроизводитель огневого отдела К. С. Гусев были поменены местами, как указывалось для «пользы службы». Большой объем и сложность этой работы обусловили организацию в октябре 1925 г. Регистрационно-аттестационного бюро под руководством Шастина и членов-представителей от Губпрофсовета — Засухина, от Губтруда — Извозщикова⁷.

В процесс подбора и расстановки кадров постоянно вмешивались вышестоящие инстанции делегируя, часто без предварительного согласования, различных людей. В частности, 6 дек. 1924 г. секретарь общего отдела Ф. С. Колясинский назначен заведующим общим отделом согласно личного распоряже-

ния Уполномоченного госстрахования по Сибири С. И. Каца. По его же указанию замбухгалтера Н. И. Якобсон назначен бухгалтером. А в сентябре 1925 г. правление Росгосстраха назначило Д. Д. Яковенко инспектором-ветврачем сельхозотдела. 27 марта 1926 г. правление Росгосстраха назначило Д. А. Шулёпова на должность заведомо сельхозстрахования Иркутской конторы⁸.

Кадровая политика Центра была непоследовательной, одновременно с расширением штатов конторы, периодически поступали указания об их сокращении. Например, 16 дек. 1924 г. в сельхозотделе упразднена должность делопроизводителя, с увольнением занимавшей ее Гусевой. Зачастую сотрудников конторы увольняли за профнепригодность, нарушение законодательства и халатность. В частности, 29 апреля 1925 г. зав. операционным отделом Я. А. Грабовский подал заявление об уходе из Госстраха. Этот произошел после подачи акта об упущениях в работе отдела, составленного инспектором конторы Евдокимчиком. Его просьба была тут же удовлетворена. А 16 июля 1925 г. уволен бухгалтер счетно-финансового отдела Н. И. Якобсон в связи с невыходом на работу после окончания отпуска. В связи с низкой заработной платой опытные специалисты, старались сменить место работы на более выгодное. Только в сентябре 1925 г. уволились по собственному желанию инструктор-ветврач Д. Д. Яковенко и контролер сельхозстрахования А. А. Лебедев⁹.

Нередко перестановки в Иркутской конторе определялись объективными обстоятельствами, влиявшими на страховое поле. В частности, в связи с отклонением введения в 1925/26 о/г. обязательного страхования животных, и в связи с сокращением работ по этому направлению, со 2 февраля 1926 г. Объединенный отдел сельскохозяйственного страхования животных и посевов был переименован в отдел сельхозстрахования посевов с возложением на них работ по добровольному страхованию животных. В его состав вошли В. К. Антонович (заведующий), Е. В. Паламутова и М. А. Ольшанская (делопроизводители). В результате после этих кадровых перестановок во второй половине 1926 г. в Иркутской конторе Госстраха работали в качестве руководителей направлений: З. А. Шастин, Н. Г. Колчин, М. П. Бугоевский, В. К. Антоневиц, В. И. Челышев, Ф. С. Колясинский, И. М. Семигановский, А. П. Чернов¹⁰.

На губернский период пришелся процесс формирования Иркутского госстраха как органа активного взаимодействия с населением, структуры обслуживающей всю территорию губернии и координирующей значительные финансовые и документные коммуникации. На эффективности работы областной конторы существенно сказывалось отсутствие соответствующей профессиональной квалификации сотрудников. Это регулярно подтверждалось проверками деятельности Иркутского Госстраха, и руководство требовало незамедлительного принятия организационных мер. В частности, 21 июля 1925 г. назначена комиссия для проверки деятельности Отдела сельхозстрахования, в связи с выявленными инспектором Росгосстраха Ромашко недочетами в ходе ревизии.

В конторе, как и во всех советских органах в соответствии с обязательным постановлением Иркутского ГИКа от 29 сент. 1924 г. рабочий день для посетителей в конторе Госстраха со 2 октября устанавливался с 11 до 16 часов. Организацию работы пришлось начинать с внедрения элементарных требований делопроизводства и внутреннего распорядка. В частности,

8 дек. 1924 г. З. А. Шастин издал приказ, согласно которому заведующий общим отделом, передавая сотрудникам документы, должен отмечать срок выдачи, для контроля их исполнения. В процессе организации нормального документооборота, Шастин 15 сент. 1925 г. распорядился, чтобы завершённые дела всех отделов подлежали обязательной сдаче. Для их хранения общему отделу было предписано организовать архив при Конторе. В целях обеспечения своевременного прихода сотрудников на работу, с 5 марта 1925 г. в конторе установлен порядок регистрации времени прихода (с 9 часов) и присутствия сотрудников на рабочих местах. Регистрация производилась в специальной книге в общем отделе¹¹.

Уже в начальный период деятельности Иркутского госстраха определились четыре основных направления его работы по имущественному страхованию: учет объектов, подлежащих обязательному страхованию; взнос страховых платежей, организация добровольного страхования; комплекс мероприятий по определению и компенсации ущерба имуществу страхователей. Самым сложным ее элементом был сбор страховых взносов или так называемая «окладная кампания». Для ее проведения использовались все силы конторы. Ее сотрудники направлялись на страховые участки (инспекции) для помощи агентам и повышения эффективности работы местных органов власти и управления. В частности, в декабре 1925 г. «для направления окладной кампании и принятия мер по усилению сбора оклада» в районы были направлены управляющий Губстрахом З. А. Шастин, замуправляющего конторой Н. Г. Колчин, зав. Общим отделом Ф. С. Колясинский, зав. Сельхозотделом В. К. Антонец, инспекторы, делопроизводитель и уездный агент¹².

Ликвидация Иркутской губернии и создание на ее основе округов Сибирского края, повлекло за собой ликвидацию губернского Госстраха и корректировку его кадровой структуры. Иркутский губгосстрах расформировывался на три окружных страховых структуры: Иркутскую, Тулунскую и Киренскую. На основании распоряжения Правления Росгосстраха от 9 апреля 1926 г. Иркутская контора перешла в полное подчинение Сибирской краевой конторы с обязательной «высылкой ей всех бумаг и отчетностей». В связи с этим, 12 апреля 1926 г. З. А. Шастин, на основании распоряжения Иркутского ГИК, сдал обязанности Управляющего Иркутской конторой госстрахования С. И. Тычкову¹³.

В связи с районированием Иркутской губернии изменился статус действовавших страховых структур. В частности, в связи с упразднением в Зиме уездного центра, в октябре 1926 г. уездное агентство преобразовано с сохранением прежних ставок в участковое. В Кимельтейском районе, ранее обслуживавшемся зиминским агентством, было создано самостоятельное участковое страхоблагодетельство. С 1 декабря 1926 г. в соответствии с циркуляром Сибстраха 8 страхучастков в с. Тыреть разукрупнены на два: Тагинский (с. Тагна) и Заларинский. В марте 1927 г. на основании постановления ЦИК ВМ АССР и Иркутского ОИК от 10 марта 1927 г. «О передаче Кабанского и части Иркутского районов Бурят-Монголии», Иркутский окргосстрах передал имущество второго агентства в с. Кабанск Бурят-Монгольской конторе Росгосстраха. К августу 1927 г. Иркутский окрстрах включал в себя 10 страхучастков. С 11 июля 1929 г. в связи с расформированием Тулунского округа и присоединением части его районов к Иркутскому, произведена перенумерация страховых участков. Их стало 14.

Реорганизация губернской конторы в три малочисленные окружные структуры сопровождалась существенными кадровыми коллизиями. 21 апреля 1926 г. уволена делопроизводитель отдела сельхозстрахования Е. В. Паламутова и инспектор конторы А. С. Эсперов. 23 апреля 1926 г. заведомо сельхозстрахования В. К. Антонец переведен на должность инспектора того же отдела. На его должность назначен Д. А. Шулепов. В том же месяце уволен ст. инспектор конторы В. А. Жебелев, а на ее место принят А. П. Чернов. В августе зав. Общим отделом Ф. С. Колясинский сдал свое место И. И. Иванову¹⁴.

Реорганизация губернской конторы в окружные закончилась в соответствии с распоряжением Сибирской краевой конторы (от 17 авг.): «Считать действия Иркутской губернской страховой конторы с 30 сентября 1926 г. прекращенными». С 1 октября 1926 г. Иркутская окружная контора, управляющая 11 страховыми участками, приступила к работе. Ее заведующим был назначен С. И. Тычков. В штате состояли, кроме выше упомянутых, заведующий Операционным отделом Я. В. Вайнштейн, ст. инспектор Н. Г. Колчин, инспектор по гарантийному страхованию И. М. Семигоновский, контролеры Цамок, Оношко и др.¹⁵. Движение кадров активно продолжалось все 1920-е годы.

В целом эффективность работы Иркутского госстраха была низкой. Вследствие этого встал вопрос о смене заведующего окружной конторой. Президиум Окрисполкома рассмотрел 30.01.28 г. вопрос «О Завокрстрахом Тычкове» и решил освободить его от занимаемой должности. Однако это была компетенция окружкома партии. Поэтому бюро окружкома 29 января 1928 г. рассмотрело вопрос «О работе Окргосстраха». Оно констатировало отсутствие должного руководства работой агентств и РИКов со стороны окружного управления. Вследствие этого не произведено своевременно предоставление льгот по страховым платежам малоимущему крестьянству. С другой стороны, не обеспечено планового поступления платежей по окладному страхованию. Бюро рекомендовало комфракции окрисполкома немедленно исправить сложившееся положение дел и согласилось с увольнением заведующего окрстрахом. Исполняющим обязанности заведующего был назначен Авиш. Кандидатура изначально была временной или не оправдала возложенных на нее надежд. Поэтому 9 августа 1928 г. бюро окружкома ВКП(б) под председательством секретаря Рошаля предложило выдвинуть в качестве кандидатуры на должность завокрстрахом Попова. Окрисполком согласился с этой кандидатурой.

С 1928 г. началась очередная полоса организационных пертурбаций в стране и в Госстрахе. Правительство ужесточило контроль над страховыми организациями, поставив их низовую сеть под контроль местных органов власти. С этой целью при райисполкомах создавались страховые секции. В мае 1928 г. Сибконтора Госстраха затребовала отчеты с мест о создании при РИКах и сельсоветах таких секций. Коллегия Наркомфина РСФСР 27 августа 1928 г. постановила создать в округах страховые инспекции со следующими функциями: организация, инструктирование, ревизия районных и городских агентств с правом назначения и увольнения агентов и ликвидации убытков в пределах установленных краевыми конторами в соответствии с директивой Правления Росгосстраха. Страховые операции в окружных городах, выполнявшиеся операционными ячейками Окружных контор, возлагались на городские агентст-

ва, которые не входили в состав окружных инспекций, а подчинялись им наравне с районными агентствами. Страховые инспекции в округах действовали при окружных финотделах. Общее руководство окружными страховыми инспекциями и назначение их руководителей производилось краевыми конторами Росгосстраха¹⁶.

В 1929 г. принято «Положение об областных (краевых) и окружных конторах государственного страхования». Согласно ему госстрахование производилось на основах установленных Положением о госстраховании СССР, утвержденным ЦИК и Совнаркомом СССР (18 сент. 1926 г.). Во главе областных (краевых) контор стоял управляющий конторой, назначаемый правлением Росгосстраха по соглашению с областным (краевым) исполкомом. Облконтора подчинялась непосредственно правлению Росгосстраха. Облконтора занималась организацией окружных контор, осуществляя общий надзор за их деятельностью, инструктирование и инспектирование последних. Краевая контора имела право назначения и увольнения сотрудников конторы, заведующих окружных контор. Окружные конторы являлись органами Госстраха на территории данного округа, ведающими в нем всем делом госстрахования. Во главе окрконторы стоял заведующий. Окрконторы подчинялись непосредственно краевой конторе. На них возлагалась функция организации местных органов — агентств. На окрконтору в плане сельскохозяйственного страхования возлагалось наблюдение за правильным и своевременным выполнением агентами заданий по развитию страхования; прием и оформление страховых; выявление и изучение горимости, смертности животных, градопоражаемости, проверка заключенных агентами договоров добровольного и дополнительного страхования, проверка ликвидационных документов; учет убытков, руководство переоценочными работами; установление оценочных норм и проверка правильности их применения агентами; контроль и проверка начисления окладных платежей¹⁷.

Таким образом, в 1921 — 1929 гг. в Байкальском регионе, как и в целом по стране, были созданы страховые органы. Их организация осуществлялась на

формирующейся и не всегда последовательной правовой базе. Сибирскими страховщиками были определены и освоены основные направления работы и сформированы работоспособные коллективы страховых подразделений. Сотрудники страховых органов установили рабочие отношения с властными структурами на всей территории региона и дошли до каждого крестьянского хозяйства.

Примечания

1. Шиминова М.Я. Страхование: История, действующее законодательство, перспективы. — М., 1989. — С. 31.
2. Организация и техника государственного страхования в СССР. — М., 1939. — С. 10; Тагиев Г.М. Развитие государственного страхования в СССР (1917 — 1977 гг.). — М., 1978. — С. 35 — 42.
3. Государственный архив новейшей истории Иркутской области (ГАНИИО). Ф.1. Оп.1. Д.1013. Л.65; Д.1019. Л.2; Д.1433. Л. 29,60.
4. Государственный архив Иркутской области (ГАИО) Ф.Р-834. Оп.1. Д.2. Л.1.3.
5. ГАИО. Ф. Р-834. Оп.1. Д.1. Л.15-16; Д.2. Л.3,12,36.
6. ГАНИИО. Ф.1. Оп.1. Д.1787. Л.122; ГАИО Ф.Р-834. Оп.1. Д.2. Л.6.
7. ГАИО. Ф.Р-834. Оп.1. Д.2. Л.7,36,41,42,44. Д.6. Л.1.
8. ГАИО. Ф.Р-834. Оп.1. Д.2. Л.14,70; Д.7. Л.35.
9. ГАИО. Ф. Р-834. Оп. 1. Д. 2. Л. 16,39,52,66; Д. 6. Л. 1.
10. ГАИО. Ф.Р-834. Оп.1. Д.6. Л.1,17,24; Д.7. Л.22.
11. ГАИО. Ф.Р-834. Оп.1. Д. 2. Л.4,14,31,33,53,67.
12. ГАИО. Ф. Р-834. Оп. 1. Д. 6. Л.12.
13. ГАИО. Ф.Р-834. Оп.1. Д.6. Л.26,30.
14. ГАИО. Ф.Р-834. Оп.1. Д.2. Л.16; Д.6. Л.28,29,52; Д.11. Л.3; Д.12. Л.10,30,88.
15. ГАИО. Ф. Р-834. Оп.1. Д.6. Л.52,62.
16. ГАИО. Ф.Р-834. Оп.1. Д.13. Л.93; Д.27. Л.30; Д.21. Л.14; ГАНИИО. Ф.16 Оп.1. Д.574. Л.26; Д.580. Л.145.
17. ГАИО. Ф. Р-834. Оп. 1. Д. 27. Л. 1,4.

ХУДАКОВ Дмитрий Борисович, соискатель кафедры отечественной истории и политологии.

Статья поступила в редакцию 23.11.07 г.

© Д. Б. Худakov

Книжная полка

ББК 67.62/О-57

Омельченко, Н. А. История государственного управления в России [Текст] : учеб. по специальности «Государственное и муниципальное управление» / Н. А. Омельченко, Е. П. Казбан. — М.: Гардарики, 2007. — 476 с. : формы, рис. — (Disciplinae). — Библиогр. в конце глав. — ISBN 978-5-8297-0318-9.

В учебнике рассмотрена ретроспектива и освещен опыт государственного и местного самоуправления в России на всех этапах ее исторической эволюции. Особое внимание уделено осмыслению специфики социальной модернизации российского общества и рационализации государственного управления, национальных особенностей проведения административных реформ. Анализ политико-административного управления в России дается с учетом новейших методологических подходов и современных научных разработок.

Методический уровень представленного материала, его актуализация посредством учебно-методического комплекса для самостоятельной работы позволяют адаптировать учебник к современным информационным технологиям.

Для студентов и аспирантов, слушателей бакалавриата, преподавателей вузов и колледжей, ученых и практиков сферы государственного и муниципального управления.

«СОВЕТСКАЯ МОДА» В КОНТЕКСТЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ И КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ СССР 1950—60-х ГОДОВ

«Советская мода» — продукт планового хозяйствования. Общие тенденции развития модной индустрии были одинаковы по всей стране. Анализ моды и структуры потребления товаров позволяет установить тесную связь между политикой, экономикой и культурой в советском обществе 1950—1960-х годов и проследить, как организация экономики влияет на культуру повседневности.

В последнее время большое внимание в исторической науке уделяется вопросам бытовой истории, которая является важным аспектом истории «глобальной». Историки начинают обращаться к тем сюжетам, которые раньше считались отраслевыми. Одним из объектов исследования становятся костюм и другие элементы советской повседневности. Костюм является составной частью бытовой истории, а его изменения зачастую являются отражением глубоких экономических, социально-психологических и политических перемен, происходящих в обществе.

Вновь открывшиеся документы советского периода и интерес к советскому образу жизни способствовали появлению статей посвященных этой тематике. В данной статье предлагается посмотреть на советскую моду, как на одну из сторон повседневной жизни, и попытаться на местном материале выявить, как было внимание руководящих органов всех уровней к этой проблеме. В архивах Омской области отложились документы, которые позволяют получить первое впечатление о состоянии модной индустрии этого периода в нашем регионе.

Для реконструкции целостной системы советской моды необходимо рассмотреть ее концепцию, производство и систему подготовки кадров, распространение и потребление модных товаров. Особый интерес для изучения представляет хрущевский период, так как в это время правительство принимает программу, нацеленную на удовлетворение потребностей населения в одежде и обуви, предпринимаются попытки определить место моды в советской экономике и обществе социалистического типа.

Поиски собственного «советского стиля» интенсивно велись начиная с 1947 года. Работа модельеров в направлении создания «советской моды» рассматривалась как важное средство пропаганды и воспитания у советских людей хорошего вкуса. В статье «Власть моды и Советская власть» С. Журавлев и Ю. Гронов подробно рассказывают о работе Общесоюзного дома моделей одежды (далее ОДМ), который являлся центром советского моделирования, на материалах РГАЭ (Ф. 523 «Общесоюзный Дом моделей одежды Министерства легкой промышленности СССР»). Так, вопрос о практическом создании советской моды впервые присутствует в отчете ОДМ за 1950 год, в 1949 году была предложена универсальная формула «советской моды»: нужно соединить мечту и фанта-

зию художника с мастерством конструктора и современной техникой производства. «Советскую моду» должны были отличать демократизм, «массовость», и общедоступность, а советские художники должны быть в равной мере ориентированы на все категории граждан [1].

Но говорить о моде в отрыве от политики невозможно из-за стремления партийно-государственного аппарата к регламентации повседневной жизни граждан. Главный вопрос, который решали экономисты, касался материальных потребностей. С их точки зрения, мода выступала как негативный и чуждый социалистической экономике фактор, препятствующий плановому производству, распределению и потреблению одежды [2]. Измеряя потребности населения, экономисты из Госплана рассчитывали рациональную норму потребления. В соответствии с их расчетами, все советские граждане должны были потреблять одинаковое количество одежды и обуви до ее полного износа, то есть без влияния моды [3].

Художники-модельеры определяли основную функцию моды в воспитании вкуса у потребителей. При этом они считали, что для социалистической моды не были характерны сенсационность и экстравагантность, зато ей свойственны удобство практичности, функциональность и гигиеничность. На потребности и вкусы населения ориентировались и работники торговли: вели учет движения товаров в магазинах. Но, заказывая товары, пользовавшиеся спросом в прошлом сезоне, представители торговли формировали культуру потребления, идущую в разрез с динамикой моды.

А текстильщики и швейники, отбирая модели для массового производства, предпочитали придерживаться хорошо освоенных фабрикой товаров, чтобы избежать сбоев в выполнении плана и иметь возможность его перевыполнить, полагая таким образом полнее удовлетворить растущие потребности советских людей. Так, при модернизации текстильного производства уровень автоматизации ткачества поднялся с 46,3 % в 1958 году до 70 % к концу 1965 года [4], что привело к увеличению производительности труда и увеличению выпуска тканей. Но так как результат выполнения плана измерялся по весу, текстильщики не были заинтересованы в выпуске новых артикулов тканей. Аналогичная ситуация складывалась и в швейном производстве. При решении проблемы не-

удовлетворенного спроса населения правительство сделало ставку на крупное фабричное производство и полное прекращение мелкосерийного и экспериментального производства. За счет внедрения новой техники и технологий, совершенствования форм организации производства выпуск одежды и белья в стране только за 1959 — 1965 годы увеличился на 26 % [5], но при этом сокращалось количество артикулов, выпускаемых одной фабрикой.

В то время когда все заботились о потребностях населения, приобрести готовую одежду в магазинах в 1950-х годах было непросто. Но постепенно наметился переход от удовлетворения первостепенных нужд (в продуктах питания, одежде, обуви) к обеспечению широкого круга потребностей городского населения. Потребительский спрос начал ориентироваться не столько на объём, сколько на структуру предложения, повысились требования людей к качеству и ассортименту изделий. Если в первое послевоенное десятилетие трудящиеся не могли приобрести относительно широкий круг товаров, то с конца 1950-х годов стал особенно заметен дефицит качественных изделий с высокими потребительскими свойствами. На повестку дня со всей остротой выдвигалась проблема учёта потребностей людей, соответствия структур спроса и предложения. Эти изменения порождали новые задачи перед народнохозяйственным планированием.

8 августа 1953 года Верховный Совет заслушал сообщение Маленкова «О неотложных задачах в области промышленности и сельского хозяйства и мерах по дальнейшему улучшению материального благосостояния народа». Суть этих задач и мер он видел в организации крутого подъёма производства предметов потребления и повышении их качества, для чего необходимо значительно увеличить вложения средств в развитие лёгкой промышленности, а также сельское хозяйство. Отмечена необходимость всемерно «форсировать развитие лёгкой промышленности» [6].

Развитие лёгкой промышленности и отраслей по производству предметов домашнего обихода, развёртывание розничной торговой сети и её товарооборота, расширение товарного ассортимента в совокупности с повышением доходов населения создавали возможность для более полного удовлетворения потребностей в непродовольственных товарах. Но товаров для населения по-прежнему не хватало, и этот факт отмечали руководители партии и местные партийные организации.

На сентябрьском (1963 г.) пленуме ЦК КПСС А. Косыгин отметил, что: «Такое отставание объясняется не только тем, что в самих планах предусматривались заниженные темпы роста по отраслям промышленности группы "Б" (т. е. группы товаров для населения), но и тем, что даже эти плановые задания систематически не выполнялись» [7].

На заседании Омского обкома КПСС от 14 мая 1959 года рассматривался вопрос «Об увеличении производства товаров народного потребления», где было принято решение об установлении дополнительных заданий предприятиям на производство товаров широкого потребления и улучшении качества выпускаемой продукции [8].

Общие сведения о социально-бытовом развитии городов Сибири и жизненном уровне населения представлены в работах С. С. Букина. По размерам приобретения отдельных непродовольственных товаров трудящиеся Сибирского региона в 1950-е годы приблизились к среднероссийскому уровню. В 1957 году по сравнению с 1950-м тканей приобретено на 6,8 %

больше. При этом покупки хлопчатобумажных видов сократились на 12,4 %, тогда как шерстяных и шёлковых возросли в 3,2 раза, а льняных и прочих удвоились. Значительно улучшилось обеспечение обувью. Её было приобретено в 1957 году на 13,9 % больше чем в 1950-м. При этом наиболее интенсивно увеличились покупки кожаной обуви [9, 10]. Но торговля промышленными товарами часто осуществлялась с перебоями. Их дефицит в немалой степени объяснялся слабым развитием в городах Сибири отраслей лёгкой и местной промышленности. В 1959 году в расчёте на душу населения в центральных регионах страны производилось 261,7 м тканей, в Западной Сибири — 8,8, в Восточной Сибири — 12,5 м, верхнего и бельёвого трикотажа — соответственно 4,6; 1,1 и 0,8 шт., чулочно-носочных изделий — 9,3; 0,9 и 0,03 пары, кожаной обуви — 2,8; 1,1 и 0,9 пары [11]. К тому же предприятия этих отраслей стремились выпускать ту продукцию, которая была выгодна для выполнения плана и слабо ориентировалась на многообразные запросы потребителей. В магазины в большом количестве поступала продукция низкого качества и не пользовалась спросом покупателей.

Развитие легкой промышленности в Сибири можно рассмотреть на примере Омской области. Предприятия лёгкой промышленности области в 1950-е годы управлялись различными государственными структурами. В 1953 — 1954 годы деятельностью предприятий руководило Омское городское управление промышленности товаров народного потребления РСФСР [12], в 1955 — 1956 годы — Омское городское управление лёгкой промышленности [13], которое было ликвидировано в связи с образованием совнархозов. В соответствии с постановлением Совета министров РСФСР № 445 от 1 июня 1957 года и распоряжением № 1 от 14 июня 1957 года Совета народного хозяйства Омского экономического административного района было образовано управление лёгкой промышленности совнархоза Омского экономического административного района. В состав управления вошли: кордная фабрика; Омская суконная фабрика; швейные фабрики № 1, 2, 3, 4; обувные фабрики № 1, 2, 3; кожгалантерейная фабрика; кожевенный завод; льнозаводы (10 заводов); кожсырьевой завод; фабрика первичной переработки шерсти (строящаяся) [14].

Ведущим швейным предприятием г. Омска являлась швейная фабрика № 4 «Большевичка», которая производила мужскую, женскую и детскую верхнюю одежду и головные уборы. Результаты производственно-хозяйственной деятельности данной фабрики наглядно демонстрируют ситуацию в отрасли в 1950-е годы.

В 1954 году план по валовой продукции выполнен на 100,2 %; план в натуре — на 96,8 %; план по ассортименту не выполнен по шести видам изделий; план по выпуску продукции I сорта в целом выполнен на 87,8 %. Невыполнение плана по сортности происходило за счёт производственных дефектов и текстильных пороков ткани. Всего в 1954 году было возвращено на переделку 1541 единица, или 0,74 % к общему выпуску изделий. Кроме того, переведено в понижение сортности 618 единиц или 0,3 % к общему выпуску. Таким образом, производственно-хозяйственная и финансовая деятельность предприятия по результатам года была признана неудовлетворительной. За невыполнение основных показателей плана и допущенные нарушения директору фабрики т. Лебедь З. К. и главному инженеру т. Ломакиной А. К. был объявлен выговор [15].

В 1955 году план по валовой продукции выполнен на 107,7 %; план по натуре — на 105,6 %; план в ассорти-

менте выполнен по всем видам изделий, кроме пошива пальто прорезиненных женских шелковых, из-за отсутствия ткани. В целом по фабрике сортность выполнена. Имелось невыполнение плана по производству пальто шерстяных на 2,7 % (из-за текстильных пороков тканей, отгруженных Омской суконной фабрикой, Нижне-Троицкой суконной фабрикой и др.). Омской базой «Главторгодежда» за 1955 год было возвращено на переделку 1278 изделий, или 0,56 % к общему выпуску и понижено в сортности 792 единиц, или 0,35 %. Особенно плохо было со снабжением пуговицами. Как правило, пуговицы систематически не доставляли поставщики — Омская артель Химпром, которая поставляла пуговицы с большими переборами и одного цвета. Имели место недопоставки прорезиненной шелковой ткани Аликинским комбинатом «Искож» [16].

В 1956 году план по валовой продукции выполнен на 98,1 %. Невыполнение произошло в связи с тем, что не было произведено уменьшение плана из-за перехода подростков на шестичасовой рабочий день. Сортность не выполнена по пальто шерстяному на 0,8 % и пальто прорезиненному шелковому на 0,3 % в результате больших текстильных пороков. Возвращено на переделку 497 изделий, или 0,21 % к общему выпуску. Понижено в сортности 438 изделий, или 0,19 %. [17].

На основе этих сведений можно сделать вывод, что на понижение качества произведенной продукции оказывало влияние не только низкое качество изготовления изделий, но и качество тканей. Это же подтверждает статья в журнале «Работница» № 12 за 1953 год «Не для периферии». Автор рассказывает о существовании двух альбомов тканей — для столичных и периферийных фабрик, которые отличаются по качеству и соответствию модному направлению. Здесь же говорится о пренебрежительном отношении Домов моделей к иногородним фабрикам [18].

Для многих семей в 1950 — 1960-е годы постоянной необходимостью были пошив и ремонт одежды и обуви. Отсутствие или ограниченный ассортимент этих товаров в магазинах, высокие цены вынуждали население пользоваться вещами до полного износа, неоднократно ремонтируя их. Однако государственная служба быта не обеспечивала нужд населения.

В послевоенное время в большинстве регионов отмечалось, что сеть пошивочных и ремонтных мастерских в городах совершенно недостаточна, сроки исполнения заказов длительны, качество работы низкое, а цены высокие и часто устанавливаются произвольно. Неудобное расположение ателье и ремонтных мастерских увеличивало затраты времени на получение услуги. Газета «Известия», ссылаясь на письмо одной из своих читательниц, сообщала: «В одном из московских ателье взялись ей сшить платье. И шили его три месяца. Шесть примеров выдержала самоотверженная заказчица! А когда убедилась, что платье испорчено, попросила вернуть деньги. Собралась, как водится, комиссия. «Комиссия — пишет нам читательница, — вместо того, чтоб разбираться в браке, начала критический разбор моей фигуры. Получилось так, что моя фигура не соответствует платью...» [19].

По данным С. С. Букина, такое же положение наблюдалось в Сибири, причём его коренного изменения в 1950-е годы не произошло, хотя сеть пошивочных и ремонтных мастерских заметно расширилась, улучшилась их деятельность. Так, в Омске объём работ по индивидуальному пошиву увеличился с 24,5 млн руб. в 1950 году до 59, 5 млн руб. в 1955 году или в 2,4 раза. Только в ателье Горпромсовета выполнили инди-

видуальных заказов в 1953 году 250,2 тыс., в 1954 году — 283,1 тыс., и в 1955 году — 317,9 тыс. Однако в целом расходы населения на пошив и ремонт одежды и обуви были невелики. В Новосибирске в 1953 году они составили в среднем на одну семью 163 руб., а в 1957 году — 174, в Алтайском крае — соответственно 128 и 213, в Кузбассе — 190 и 211, в Красноярском крае — 176 и 172, в Иркутской области — 180 и 192. Причём половина этих денежных средств уплачивалась частным лицам, к услугам которых обращались в связи с недостатками в работе государственных ателье [20].

В этот период принимаются многочисленные правительственные постановления, направленные на переустройство сферы услуг, а вернее, на её создание (постановления по развитию и «дальнейшему развитию» бытового обслуживания принимались в 1959, 1962, 1965 годах). «Существующий в настоящее время уровень бытового обслуживания серьёзно отстаёт от возросших запросов населения» — отмечалось в постановлении ЦК КПСС и Совета министров СССР от 6 марта 1959 года «О мерах по улучшению бытового обслуживания населения» [21]. Этот вывод в полной мере относился к сфере услуг в Сибири.

Партийные организации Омской области тоже рассматривали вопросы неудовлетворительной работы местной промышленности. Так, на заседании Омского обкома КПСС от 27 марта 1961 года рассматривался вопрос: «О развитии и специализации предприятий местной промышленности». Постановили: «Обязать облисполком, областную плановую комиссию, облместпром и областное управление торговли систематически, с учётом изменения спроса населения осуществлять мероприятия по расширению ассортимента, улучшению качества товаров, а также по внедрению в производство новых, более современных по конструкции моделей и фасонов товаров народного потребления, соответствующих возросшему спросу населения» [22].

В связи с постоянным отсутствием красивых и модных товаров в торговле, их дороговизны и весьма относительной доступности услуг ателье индпошива, немалая часть советских граждан со скромными доходами предпочитала шить одежду самостоятельно либо договариваться об этом с частными мастерами. Распространение пошива одежды на дому подтверждает статистика розничной продажи в СССР большого количества швейных машин. Так, в 1940 году было продано 175 000 шт., в 1950 — 510 000 шт., а в 1965 — 167 7000 шт. [23].

Важное значение в процессе модернизации лёгкой промышленности и сферы услуг играет обеспечение их квалифицированными кадрами. С развитием производства пропорционально росло и количество занятых в этих отраслях рабочих и специалистов. Ещё в 1940 году для обеспечения промышленности квалифицированными рабочими кадрами была создана в системе трудовых резервов широкая сеть училищ и школ профессионально-технического образования. В 1950 году предприятия лёгкой промышленности насчитывали 1678 тыс., в 1958 — уже 2 515 тыс., а в 1964 — 3648 тыс. рабочих. В 1965 году подготовка кадров с высшим образованием для лёгкой промышленности осуществлялась в 8 специализированных высших учебных заведениях и на 9 специальных факультетах других вузов. Специалистов среднего звена готовили 150 техникумов [24]. Распределение молодых специалистов по предприятиям осуществляло Министерство легкой промышленности РСФСР (далее МЛП РСФСР). Так, в 1965 году согласно приказу № 35 МЛП РСФСР на швейные фабрики г. Омска

было распределено 8 специалистов: со специальностью «Технология швейного производства» — 6 человек (1 с высшим образованием, остальные со среднетехническим); со специальностью «Художественное оформление тканей и изделий из них» — 2 человека (среднетехническое образование) [25].

В связи с модернизацией предприятий легкой промышленности существовала целая система подготовки и повышения квалификации кадров на местах. План подготовки и повышения квалификации на омских предприятиях включал: индивидуальное бригадное обучение, производственно-технические курсы, школы по изучению передовых методов труда, обучение двум специальностям, курсы целевого назначения [26]. Главшвейпром МЛП РСФСР регулярно проводил 2- и 3-месячные курсы повышения квалификации в г. Москве. Например, в 1956 году обучение проходили: работники ОТК, начальники цехов, раскладчики лекал, механики спецмашин, главные механики, главные инженеры, начальники экспериментальных цехов, главные бухгалтера, начальники ОТК, нормировщики, расчетчики ткани. Практиковалось 3-летнее обучение работников швейных предприятий во всесоюзном техникуме легкой промышленности и на 2-годичных высших курсах легкой промышленности [27]. Для главных инженеров, начальников закройных, подготовительных и экспериментальных цехов проводились семинары по изучению передового опыта [28] и просмотры фасонов одежды на предстоящий сезон.

В целом можно отметить, что переоснащение отрасли, особенно периферийных фабрик, проходило медленно и наблюдалась нехватка высококвалифицированных кадров. Так, на курсы повышения квалификации для начальников цехов швейной фабрика № 3 г. Омска в 1956 году отправила швею, так как нечем было заменить начальника цеха [29]. А в том же 1956 году швейная фабрика № 4 г. Омска отказалась от поездки на семинар по изучению передового опыта в связи с отсутствием командировочных средств [30]. Большой процент швей составляли подработки, только что окончившие школу (семилетку), поэтому, например, при переходе на шестичасовой рабочий день для подростков швейная фабрика № 4 не выполнила годовой план за 1956 год [31].

Таким образом, анализ моды и потребления позволяет установить тесную связь между политикой, экономикой и культурой в советском обществе 1950—1960 годов и проследить, как организация экономики влияет на культуру повседневности. Общие тенденции развития модной индустрии были одинаковы по всей стране. В Сибири, как и во всей стране, ощущалась нехватка товаров народного потребления, в том числе и одежды. Для руководящих органов всех уровней на первом месте стояли количественные показатели предприятий, показатели качества товаров и услуг стали рассматриваться значительно позже. Дефицит товаров народного потребления в городах Сибири был обусловлен в немалой степени слабым развитием отраслей легкой и местной промышленности. Слабая оснащенность высококлассным оборудованием, низкое качество тканей и фурнитуры и неполное укомплектование производства кадрами вело к выпуску продукции низкого качества. Инертность системы массового пошива одежды препятствовала систематическому проникновению модной одежды

на прилавки государственных магазинов. Продукция швейных фабрик отличалась консервативностью и пренебрегала динамикой моды. Следящие за модой советские потребители вынуждены были шить одежду на дому, у частных лиц или в ателье. Удовлетворение нужд населения в модной одежде целиком зависело от их изобретательности.

Библиографический список

1. Журавлев С., Гронов Ю. Власть моды и Советская власть // Историк и художник. — № 3. — 2006. — С. 112.
2. Браверман А. Мода глазами экономиста // Декоративное искусство СССР. — № 10. — 1963. — С. 13.
3. Захарова Л. Советская мода 1950—1960-х годов // Теория моды. — № 3. — 2007. — С. 59.
4. Кисляков Б. И. Легкая индустрия за 50 лет. — М.: Легкая индустрия, 1965. — С. 104.
5. Кисляков Б. И. Легкая индустрия за 50 лет. — М.: Легкая индустрия, 1965. — С. 50.
6. Аксютин Ю. В. Хрущевская оттепель и общественные настроения в СССР в 1953—1964 гг. — М.: РОССПЭН, 2004. — С. 53—54.
7. Косыгин А. Н. Речь на Пленуме ЦК КПСС // Известия. 1965. 28 сентября.
8. ЦДНИОО. Ф. 17. Оп. 1. Д. 7505. Л. 34—35, 159.
9. Букин С. С. Жизненный уровень рабочей семьи в Сибири. — Новосибирск: Наука. Сибирское отделение, 1984. — С. 104.
10. Букин С. С. Опыт социально-бытового развития городов Сибири (вторая половина 1940-х — 1950-е гг.). — Новосибирск: Наука. Сибирское отделение, 1991. — С. 86.
11. Букин С. С. Жизненный уровень рабочей семьи с Сибири. — Новосибирск: Наука. Сибирское отделение, 1984. — С. 108.
12. ГАОО. Ф. 1116. Оп. 3. Д. 35. Л. 1.
13. ГАОО. Ф. 1116. Оп. 3. Д. 51. Л. 20.
14. ГАОО. Ф. 2155. Оп. 1. Д. 17. Л. 17, 19.
15. ГАОО. Ф. 1116. Оп. 1. Д. 380. Л. 1—3, 40.
16. ГАОО. Ф. 1116. Оп. 1. Д. 405. Л. 2—4.
17. ГАОО. Ф. 1116. Оп. 1. Д. 437. Л. 1—2.
18. Ногина Н. Не для периферии // Работница. — № 12. — 1953. — С. 18—19.
19. Васильев А. Русская мода. 150 лет в фотографиях. — М.: Слово, 2004. — С. 327.
20. Букин С. С. Жизненный уровень рабочей семьи с Сибири. — Новосибирск: Наука. Сибирское отделение, 1984. — С. 137.
21. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. Т. 4. — М.: Политиздат, 1968. — С. 559.
22. ЦДНИОО. Ф. 17. Оп. 1. Д. 7767. Л. 18—23.
23. Народное хозяйство в СССР в 1965 г. — М.: Статистика, 1966. — С. 596.
24. Кисляков Б. И. Легкая индустрия за 50 лет. — М.: Легкая индустрия, 1965. — С. 158—161.
25. ГАОО. Ф. 1116. Оп. 1. Д. 418. Л. 55.
26. ГАОО. Ф. 1116. Оп. 1. Д. 418. Л. 558.
27. ГАОО. Ф. 1116. Оп. 1. Д. 418. Л. 61, 90.
28. ГАОО. Ф. 1116. Оп. 1. Д. 418. Л. 99.
29. ГАОО. Ф. 1116. Оп. 1. Д. 418. Л. 80—81.
30. ГАОО. Ф. 1116. Оп. 1. Д. 418. Л. 99.
31. ГАОО. Ф. 1116. Оп. 1. Д. 437. Л. 1.

ВИНИЧЕНКО Ирина Владимировна, старший преподаватель кафедры конструирования швейных изделий.

Статья поступила в редакцию 07.03.08 г.

© И. В. Виниченко

РАЗВИТИЕ НАЧАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ И ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ПОДГОТОВКА УЧИТЕЛЕЙ НА УРАЛЕ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (НА ПРИМЕРЕ ПЕРМСКОЙ И ВЯТСКОЙ ГУБЕРНИЙ)

В статье рассматриваются изменения в начальном и среднем образовании в период Первой мировой войны и революционных событий 1917 г., показана роль государства в развитии образования. Особое внимание уделено профессиональной подготовке учителя: структуре учебных заведений, изучаемым дисциплинам, особенности организации процесса обучения.

Война вносит коррективы во все сферы жизни общества: меняются ценностные ориентации и взгляды людей на многие общественные явления. Характерным является то, что, несмотря на трудности военного периода, в годы Первой мировой войны в России в общественном мнении нашло отражение увеличение значимости образования. Стремление к получению знаний прослеживалось во всех слоях общества. Даже жители сельской местности стремились дать образование своим детям для более успешного трудоустройства.

История развития образования в годы Первой мировой войны привлекала внимание отечественных исследователей. В работах современных историков, И. А. Слудковской, В. Б. Помелова, Л. М. Зотовой [1], посвященных развитию образования на Урале в начале XX века, определенное внимание уделяется и периоду 1914 – 1917 гг., однако как самостоятельная проблема развитие образования в условиях Первой мировой войны в Уральском регионе в научной литературе не получило отражения.

Хронологические рамки статьи охватывают 1914 – 1917 гг.: от начала мировой войны до победы Октябрьской революции. Территориальные рамки включают в себя территорию Пермской и Вятской губерний.

В задачи статьи входит: рассмотреть количественные изменения, происшедшие в сети начальных училищ в 1914 – 1917 гг., изучить структуру образовательных учреждений, занимающихся педагогической подготовкой учителей; выявить изменения происшедшие в образовательном уровне педагогов на протяжении войны.

Накануне Первой мировой войны прослеживались положительные тенденции в развитии сети и увеличении контингента в образовательных учреждениях Вятской и Пермской губерний. Количество учебных заведений в эти годы неуклонно росло (табл. 1).

В 1914 – 1915 гг. в учебных заведениях Пермской губернии образовательный процесс шел своим ходом.

Однако в условиях начавшейся войны возникают определенные сложности в развитии образования. В ряде случаев занятия в школах приостанавливались на определенные промежутки времени, когда учебные здания были использованы под призывные пункты, казармы в связи с мобилизацией. Так, в 1915 г. в здании Екатеринбургского учительского института размещались воинские части, учащиеся в это время проходили обучение в съемном помещении [2]. В Вятской губернии влияние войны сказывалось больше, чем в Пермской губернии, ввиду территориальной приближенности к прифронтовой полосе. В 1914 г. под постой войск здесь были заняты все учебные заведения в городах Вятке и Глазове, в уездных городах (Орлов, Котельнич, Слободское) — часть училищ. В связи с этим учебные занятия начинались позже установленного срока, обучение могло проводиться в помещениях других учебных заведений, была сокращена продолжительность урока. Так, например, в Вятской первой мужской гимназии 1914/15 учебный год начался не 16 августа, как положено, а 1 сентября в старших, 7 – 8, классах. В остальных классах занятия были начаты 9 сентября и в течение всего учебного года проходили с 16 до 18 часов в помещении Вятской второй женской гимназии в связи с размещением в части здания гимназии воинских подразделений. При этом продолжительность урока сократилась с пятидесяти до сорока минут.

В 1915 г. происходит рост населения в изучаемых губерниях, связанный с притоком большого числа беженцев на Урал. Вследствие этого возникает необходимость пересмотра планов по открытию учебных заведений, необходимых для охвата детей обязательным начальным образованием, которое намечалось вестись в регионе. 1 января 1916 г. об этом сообщалось в Министерство народного просвещения уездными земствами совместно с городскими управлениями Вятской и Пермской губерний [3]. Рост числа учебных заведений с началом Первой мировой войны по сравнению с предвоенными годами несколько за-

Сеть учебных заведений и количество учащихся Вятской губернии в 1912–1915 гг.*

количество	1912	1913	1914	1915
учеб. заведения	3178	3373	3489	3577
учащиеся	207150	210402	216867	233616
мальчики	130853	142844	146033	149678
девочки	67297	67558	70834	83938

* Таблица составлена по данным: Обзор Вятской губернии за 1913 г. Приложение к ежегоднейшему отчету Вятского губернатора. – Вятка: [б. и.], 1914. – с. 110.; Обзор Вятской губернии за 1914 г. Приложение к ежегоднейшему отчету Вятского губернатора. – Вятка: [б. и.], 1915. – с. 159–160.; Обзор Вятской губернии за 1915 г. Приложение к ежегоднейшему отчету Вятского губернатора. – Вятка: [б. и.], 1916. – с. 129.

медляется. Так, в Вятской губернии в 1913 г. относительно 1912 г. число учебных заведений увеличилось на 195, в 1914 г., по сравнению с предшествующим годом — на 116, в 1915 г. — на 88 (табл. 1).

Изменение количества учебных заведений происходило и в Пермской губернии. В 1915 г., по сравнению с 1914 г., число начальных государственных и земских начальных училищ губернии увеличилось на 66. Исключение составляли Чердынский и Соликамский уезды, где число училищ уменьшилось — в первом на 2, во втором на 1 [4]. В некоторых уездах как Пермской, так и Вятской губерний учебные заведения закрывались в связи с отсутствием возможности набрать необходимое количество учеников, однако другие школы в то же время были переполнены и ощущали нехватку опытных педагогов.

Ситуация осложнялась в связи с уходом учителей на фронт. В Вятской губернии на 1 января 1916 г. было призвано в армию свыше 300 учителей [5]. Из личного состава Екатерино-Петровского высшего начального училища Пермской губернии в 1914 г. было призвано на военную службу 5 учителей, что привело к трудностям в организации учебного процесса [6]. В первом инспекторском районе Екатеринбургского уезда в 1915 г. количество учителей в связи с войной уменьшилось на 14 человек: 16,3 % уволилось по разным причинам, вместе с мобилизованными сокращение составило 20 % [7]. Отсрочка от военной службы, согласно циркуляру попечителя Оренбургского учебного округа от 18 июля 1914 г., предоставлялась только тем учителям, которые поступали в учительские институты или семинарии [8]. С уходом учителей на фронт изменился качественный состав кадров — уменьшается число опытных педагогов со стажем, на смену которым приходят молодые учительницы. Вследствие этого наблюдалось снижение образовательного уровня педагогов. В частности, в начальных училищах Пермской губернии в 1915 г., по сравнению с 1914 г., образовательный уровень педагогов снизился на 6,6 % [9]. Преподавателей, имеющих специальную педагогическую подготовку, в 1914 г. насчитывался 41 %, а в 1915 г. — 38 % [10]. В Вятской губернии в народных училищах Вятского уезда число учителей со специальной подготовкой за этот же период снизилось на 13 % [11].

В сложившейся ситуации актуальнее, чем в предвоенные годы, стали проблемы подготовки учительских кадров и повышения образовательного и профессионального уровня работающих педагогов. Функцию профессиональной подготовки учителей выполняли средние учебные заведения — гимназии. По источнику финансирования гимназии делились на министерские, находившиеся в ведении Министерства народного просвещения; Мариинские жен-

ские гимназии, находившиеся в ведомстве учреждений императрицы Марии и частные.

В Пермской и Вятской губерниях как в мужских, так и в женских гимназиях в 1914–1917 гг. открывался восьмой педагогический класс, в котором готовили учителей для приходских и уездных училищ. В Вятской губернии, согласно отчетам вятского губернатора перед Министерством народного просвещения, в 1913 г. в 11 из 16 женских гимназий МНП был восьмой педагогический класс, в 1914 г. — во всех министерских женских гимназиях [12]. Программа восьмого педагогического класса предусматривала изучение гимназистами педагогики (общая и история педагогики, дидактика) как основного предмета. Недельное количество часов курса педагогики не уступало таким предметам как русский язык и математика и составляло 3 часа в неделю. Кроме того, среди основных предметов можно выделить: словесность, церковнославянский, французский и немецкий языки, историю и географию. Большое значение в подготовке будущих учителей имела педагогическая практика, проходившая в младших классах гимназий, местных церковно-приходских школах. При гимназиях также могли быть специально созданные для этих целей училища, что упрощало поиск базы для прохождения практики и позволяло учащимся беспрепятственно наблюдать за психолого-педагогической стороной учебного процесса и проводить пробные уроки.

В Мариинских женских гимназиях также был восьмой педагогический класс. После окончания гимназии воспитанницы получали звание домашних учительниц, имеющих право преподавать предметы, в которых показывали наилучшие успехи, а после окончания педагогического класса получали звание домашних наставниц. В Мариинской женской гимназии Пермской губернии восьмой класс был открыт в 1916 г. в составе 30 учениц, в него записались все выпускницы седьмого класса [13]. В Вятской Мариинской женской гимназии педагогический класс к этому времени уже существовал. Он был открыт еще в 1861 г., когда Мариинские гимназии именовались Мариинскими женскими училищами [14].

Определенную роль в развитии педагогического образования сыграли частные гимназии, их организация осуществлялась по инициативе передовой интеллигенции. По усмотрению местных властей на содержание этих учебных заведений в ряде случаев выделялось государственное пособие, но основным источником финансирования являлись благотворительные средства. В Пермской губернии в рассматриваемый период особое значение имела деятельность частной женской гимназии мадам А. В. Барбатенко с восьмым педагогическим классом. В отчете гимназии за 1915 г.

отмечено, что в 8 классе обучалось 25 учениц [15]. Показательно, что основной состав учениц этой гимназии — дочери зажиточных селян и городских средних слоев [16].

Подготовкой учительниц наряду с Министерством народного просвещения и ведомством императрицы Марии занималось также духовное ведомство. При епархиальных училищах существовали седьмые педагогические классы с двухгодичным курсом обучения. К 1915 г. в женских епархиальных училищах изучалось 24 учебных предмета: русский язык с чистописанием, церковнославянский язык, методика русского и церковнославянского языка, арифметика, педагогика, история педагогики, педагогическая психология, Закон Божий, история, методика преподавания истории, география, логика, алгебра, космография; литература новейшая русская и иностранная и др. Педагогическая практика учениц проходила в образцовой начальной школе при училище. Каждый день по две ученицы изучали психологические особенности учащихся младших классов. Свои наблюдения они заносили в дневники по педагогической практике, которые являлись отчетами по педагогике и сдавались в конце года [17].

Наиболее востребованными в учебных заведениях были выпускники учительских семинарий и институтов, т. к. из их числа большая часть закреплялась на постоянной работе в школах. Пермская женская учительская семинария была открыта в 1908 г. В Вятской губернии в 1913 г. функционировали две учительские семинарии: Кукарская мужская и Сарапульская женская. В 1915 г. была открыта еще одна мужская учительская семинария в Глазове и общая численность обучающихся составляла 251 человек (160 мужского пола и 91 женского) [18]. После окончания учительской семинарии учащимся предоставлялось место работы [19].

Учительские институты готовили квалифицированных специалистов для начальных и средних учебных заведений. Преимущественным правом поступления пользовались выпускники городских училищ, проработавшие в школе не менее 1 года. Окончившие среднее учебное заведение (гимназию, духовную семинарию и др.) принимались без экзаменов при наличии одобрительных данных об их «нравственности». В Вятской губернии учительский институт был открыт 1 июля 1914 г., в 1915 г. в нем обучалось 47 мальчиков [20]. Екатеринбургский учительский институт Пермской губернии появился еще в 1912 г.

Основным источником финансирования учительских институтов являлась государственная казна. Поступление денежных средств из казны для Екатеринбургского учительского института Пермской губернии в период с 1913 по 1917 г., согласно архивным данным, постепенно возрастает (табл. 2). В 1915 г. по сравнению с 1914 г. поступление из государственной казны для Екатеринбургского учительского института увеличилось на 1 128,62 руб. В 1916 г. увеличение по сравнению с предыдущим годом составило 5 657,73 руб., хотя во многом увеличение поступлений денежных сумм объясняется инфляцией, вызванной войной. В то же время в 1917 г. поступление денежных

средств увеличивается крайне незначительно — на 61,67 руб., причиной послужили революционные события в стране.

Аналогичная ситуация имела место в Вятской губернии. На содержание Вятского учительского института в 1914 г. из казны поступило 34 120 руб., прочих доходов насчитывалось 295 руб., в 1915 г. — 31 600 руб. [21]. Среди других источников поступления денежных средств на содержание учительских институтов можно выделить наиболее постоянный — оплата за обучение, которая составляла 15 руб. в год с каждого учащегося.

Учебный план учительских институтов был строго определен и оставался неизменным для всех российских учебных заведений этого профиля. Объем изучаемых предметов соответствовал более глубокому изучению содержания программ высших начальных училищ и включал такие предметы, как Закон Божий, русский язык и церковно-славянское чтение, арифметика и начало алгебры, геометрия, география русская и всеобщая, естественная история и физика, черчение и рисование, чистописание, ручной труд, пение и гимнастика. Программа по педагогике содержала разделы умственного и нравственного педагогического воспитания, общие требования дидактики и методики, школьную дисциплину. Особое внимание в педагогических учебных заведениях уделялось педагогической практике, начинавшейся с первого года обучения. Уроки, проведенные учащимися, подробно разбирали и обсуждали их товарищи по обучению и педагоги. Для прохождения педагогической практики при учительских институтах и семинариях, как и при гимназиях, открывались городские училища [22].

С падением самодержавия в образовании происходили значительные изменения: существовавшие органы образования упразднялись и создавались новые. Временным правительством 4 июня 1917 г. был создан Государственный комитет по народному образованию.

Однако, несмотря на структурные изменения 1917 г., новые власти продолжали уделять значительное внимание образованию, так как существовала необходимость в высококвалифицированных специалистах. Временное правительство постановлением от 28 марта 1917 г. увеличило учителям жалование из казны с 360 руб. до 600 руб. в год, не считая прибавок за выслугу в размере 60 руб. за каждые 5 лет службы и на дороговизну, которые сохранялись независимо от размера жалования. Тем же, кто имел жалование свыше 600 руб., оно оставалось неизменным [23].

Революционные события усугубляли проблемы военного времени. Во второй половине 1917 г. в связи с прекращением связей со столицей и другими культурными центрами прервалось централизованное снабжение регионов учебными пособиями. В Екатеринбурге пополнение библиотек учебных заведений осуществлялась за счет ревизий библиотек общеобразовательных курсов [24]. Временный комитет по народному образованию циркуляром от 4 октября 1917 г. указывал учителям Ирбитского уезда, что в связи с дороговизной на письменные принадлежности, школьные пособия и учебники, создались трудности их по-

Таблица 2

Государственное финансирование Екатеринбургского учительского института Пермской губернии в 1913–1917 гг.

Годы	1913	1914	1915	1916	1917
финансирования, руб.	30652,55	32769,6	33908,22	38427,33	38489

Таблица составлена по данным: ГАСО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 13. Л. 7.; Д. 44. Л. 506.; Д. 59. Л. 2006.; Д. 77. ЛЛ. 2, 13.; Д. 189. Л. 13.

лучения со складов и рекомендовал педагогам обратить внимание на более экономичное использование последних [25].

Количество желающих получить образование не уменьшалось и в 1917 г., однако далеко не все, кто стремился отдать своих детей в начальные учебные заведения, могли это сделать. На заседании Вятской городской думы 20 сентября 1917 г. сообщалось, что в 9 имеющихся училищах лишены возможности обучаться грамоте 59 человек, преимущественно дети малоимущих жителей города [26].

Поэтому по-прежнему сохранялась необходимость в открытии новых учебных заведений и подготовке квалифицированных учителей. В июле 1917 г. в г. Ирбит Пермской губернии был открыт учительский институт в составе 2 отделений — исторического и физико-математического, на его содержание из казны было выделено 30070 руб. [27]. Кроме того, учителей начальных школ готовили четыре учительские семинарии: Чердынская, Оханская (в Нытвенском заводе), Ирбитская, Пермская.

Таким образом, в условиях Первой мировой войны происходит увеличение числа учебных заведений и количества учащихся в Пермской и Вятской губерниях. В общественном мнении в военные годы значимость образования значительно возрастает. Это потребовало расширения подготовки учительских кадров на Урале. Несмотря на трудности периода, связанные с занятием под призывные пункты, казармы и лазареты учебных заведений, с уходом на фронт учителей-мужчин, профессиональная подготовка учителей являлась одной из важнейших задач как царского правительства, так и новой власти. В 1917 г. продолжали открываться начальные и средние учебные заведения, увеличивалось финансирование образования, повысилось учительское жалованье.

Библиографический список

1. Слудковская, И.А. Народное образование в Пермском крае в конце XIX — начале XX века. / И.А. Слудковская. — Пермь: ПОИПКРО, 1998. — 172 с.; Помелов, В.Б. Региональные особенности развития народного образования в российской провинции во второй половине XIX в. — 1917 г.: на материалах Вятской губернии и сравнительном анализе проблемы в соседних с ней регионах. / В.Б. Помелов; под ред. З.И. Равкина. — Киров: ВГПУ, 1998. — 290 с.; Зотова, Л.М. Женское образование в Вятской губернии во второй половине XIX — начале XX вв. / Л.М. Зотова. — Киров: [б. и.], 2003. — 244 с.
2. Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. 2. Оп. 1. Д. 27. Л. 15.
3. Сеть высших начальных школ. // Зауральский край. — 1915. — 5 октября. — с. 3.
4. Государственный архив Пермской области (ГАПО). Ф. 42. Оп. 1. Д. 509. Л. 53.

5. Отчет о состоянии народных училищ Вятской губернии за 1915 гражд. год. — Вятка: [б. и.], 1916. — С. 12.
6. ГАПО. Ф. 42. Оп. 1. Д. 535. Л. 43.
7. Там же. Д. 534. Л. 45об.
8. ГАСО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 27. Л. 1.
9. ГАПО. Ф. 42. Оп. 1. Д. 533. Л. 5.
10. Там же. Д. 509. Л. 56.
11. Государственный архив Кировской области (ГАКО). Ф. 205. Оп. 4. Д. 3126. Л. 17об.
12. Обзор Вятской губернии за 1913 г. Приложение к всеподданнейшему отчету Вятского губернатора. — Вятка: [б. и.], 1914. — С. 118.; Обзор Вятской губернии за 1914 г. Приложение к всеподданнейшему отчету Вятского губернатора. — Вятка: [б. и.], 1915. — С. 167.
13. Слудковская, И.А. Народное образование в Пермском крае в конце XIX — начале XX века / И.А. Слудковская. — Пермь: ПОИПКРО, 1998. — С. 84.
14. Зотова, Л.М. Женское образование в Вятской губернии во второй половине XIX — начале XX вв. / Л.М. Зотова. — Киров: [б. и.], 2003. — С. 24 — 25.
15. ГАПО. Ф. 42. Оп. 1. Д. 585. Л. 3.
16. Слудковская, И.А. Народное образование в Пермском крае в конце XIX — начале XX века / И.А. Слудковская. — Пермь: ПОИПКРО, 1998. — С. 84-86.
17. Зотова, Л.М. Женское образование в Вятской губернии во второй половине XIX — начале XX вв. / Л.М. Зотова. — Киров: [б. и.], 2003. — С. 123 — 124.
18. Из ведомости Вятского губернского статистического комитета о состоянии народного образования в губернии за 1915 г. // Из истории Урала: сб. документов и материалов. — Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1979. — С. 364.
19. ГАПО. Ф. 34. Оп. 1. Д. 92. ЛЛ. 1-2.
20. Из ведомости Вятского губернского статистического комитета о состоянии народного образования в губернии за 1915 г. // Из истории Урала: сб. документов и материалов. — Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1979. — С. 364.; ГАКО. Ф. 217. Оп. 1. Д. 14. Л. 42.
21. ГАКО. Ф. 217. Оп. 1. Д. 14. ЛЛ. 25, 60 - 61.
22. Вятский государственный гуманитарный университет. 1914 — 2004. Памятная книга. — Киров: ВятГГУ, 2004. — С. 32.; ГАПО. Ф. 34. Оп. 1. Д. 20. Л. 5.; Д. 53. Л. 78.
23. ГАКО. Ф. 628. Оп. 6. Д. 924. Л. 5.; ГАСО. Ф. р-1600. Оп. 1. Д. 15. ЛЛ. 1-42.
24. ГАСО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 189. Л. 6.
25. ГАСО. Ф. 720. Оп. 1. Д. 5. Л. 7.
26. ГАКО. Ф. 628. Оп. 6. Д. 924. Л. 32 об.
27. ГАПО. Ф. 42. Оп. 1. Д. 60. Л. 38.

СКАЛЫГА Ирина Владимировна, аспирант кафедры отечественной истории.

Статья поступила в редакцию 07.02.08 г.

© И. В. Скалыга

Книжная полка

ББК 63.3(2)/И90

История России [Текст]: учеб. для техн. вузов / А. А. Чернобаев [и др.]; под ред. М. Н. Зуева, А. А. Чернобаева. — 3-е изд., перераб. и доп. — М.: Высш. шк., 2007. — 637 с. — (Учебник для вузов). — Библиогр.: с. 629-633. — ISBN 978-5-06-005802-4.

В учебнике кратко освещаются основные периоды российской истории с древнейших времен до сегодняшних дней. Главное внимание уделено изучению государственно-политических, социально-экономических и внешнеполитических проблем. Книга поможет студентам сформировать целостное представление о характере и особенностях исторического развития России.

Для студентов технических вузов и факультетов естественного профиля университетов.